

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ

№ 9 [359]
21 апреля
2016 год

Юрий БОЛДЫРЕВ
**ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА
НОВОЙ «КУДРИНОМИКЕ»?**
стр. 2

А.А. КУТЫРЁВА
**ЕДИНСТВО МЫСЛЕЙ
И ПОСТУПКОВ**
стр. 4

Светлана ЗАМЛЕЛОВА
БЕРЕЖНЕЙ К ОРУЖИЮ СЛОВА
стр. 10

**Блажен, кто совершил
свой подвиг до конца**
К 30-летию катастрофы в Чернобыле

Стр. 6

Юрий БОЛДЫРЕВ

Есть ли альтернатива НОВОЙ «КУДРИНОМИКЕ»?

Об условиях для подлинной реиндустриализации

При всем моем крайне негативном отношении к Кудрину, тем не менее, должен оговорить, что прошу не воспринимать термин «кудриномика» как оскорбление на основе коверканья фамилии – стараюсь так никогда не делать.

Поощряемое у нас из Америки – лучшее ли для России?

Термин «кудриномика» был введен мною и просто уже стал символом определенного направления в экономике и социальной политике, связанного с именами Кудрина (экс-министра финансов – «лучшего», но не для нас, а для Запада), Грефа, Зурабова, Голиковой, Фурсенко, Улюкаева, Набиуллиной. Направление это характеризуется в моем понимании сознательным включением во все основные цепочки экономической и социальной жизни (в т.ч. производства и социального обеспечения) заведомо паразитических звеньев, комплексным удушением созидательного, производительного начала в нашей экономике, изъятием из нее ресурсов и их перекачиванием в экономику наших стратегических конкурентов-противников.

При таком понимании сути и подлинного смысла этого направления в политике можно понять мое отношение к заявлению главы государства на прямой линии 14 апреля 2016 года о намерении поручить заняться стратегией нашего дальнейшего развития... Кудрину. Да и не где-либо еще, а в Центре стратегических разработок, изначально тесно связанном с именем вышеупомянутого Грефа.

По плану или как получится?

Читатели могут подумать, что термин «стратегических» в названии центра использован как натяжка или даже насмешка. Мол, какие уж у них там «стратегические» разработки? Но будут неправы. Самые что ни на есть стратегические. Просто не в нашем понимании стратегии – как стратегии развития. А в понимании противоположном – как стратегии (как я это оцениваю) уничтожения. То есть той стратегии, в которой публично признаваться невозможно.

Что же касается стратегии публичной, подразумевающей нацеленность на развитие, которую нам с вами несколько лет назад пообещали, то здесь очередной культбит налицо. Пиаровские заявления о намерении что-то стратегически планировать – запрос. И даже принятые законы, с планами и сроками, уж простите за тавтологию, будущего начала процесса стратегического планирования – тоже без проблем. А вот реализация – совсем другое дело. Не дождетесь.

В подтверждение: только что, 23 мар-

та, принят в первом чтении внесенный правительством законопроект № 984261-6 «О внесении изменений в статью 47 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (о переносе срока разработки документов стратегического планирования)». Куда же они сроки переносят? Может быть, в связи с осложнением ситуации и ужесточением противостояния со значительной частью внешнего мира сроки намечены приблизить?

Напротив. Принятый Думой в первом чтении законопроект предусматривает перенос сроков разработки соответствующих документов на... 2019 год. А там – «или ишак умрет, или эмир...»

То есть поживем пока без стратегии.

Не вообще, а без стратегии публичной – той, в которой не стыдно признаться. И за реализацию которой надобно бы спрашивать.

Планы – в жизнь!

Важно понимать, что все ныне происходящее и проявившееся, включая стремительный рост цен одновременно с падением доходов людей, варварская коммерциализация всей социальной сферы – отнюдь не следствие ухудшения внешней конъюнктуры и чьих-либо санкций. Исключительно – единственно возможный, причем заранее запланированный и подготовленный, результат политики, проводившейся полтора десятилетия именно той командой, к которой глава государства вновь обращается за новыми планами.

Вынужден констатировать: после такой «обнадеживающей» вести, обсуждать что-либо еще, связанное с этой прямой линией, включая вопросы о дорогах, лекарствах, зарплатах, ЖКХ, да и обороноспособности страны, абсолютно бессмысленно. Вся подлинная суть и истинные планы на ближайшее будущее – в этом одном принципиальном решении – кому доверено определять направление нашего движения. Движения к развитию или же, напротив, в дальнейшую научно-технологическую и социальную деградацию.

Значит, всё – тупик? Альтернативы нет?

Созидательная альтернатива

Альтернатива, разумеется, есть. Но нужна воля – иная, нежели сегодня. Воля, может быть, даже не сразу к реализации такой альтернативы, но хотя бы к тому, чтобы проявить к ней интерес.

Напомню, 12 февраля в Орле состоялся Орловский экономический форум, организованный КПРФ – крупнейшей оппозиционной фракцией в Думе. Важ-

но: не узкопартийное мероприятие, а с привлечением более широкого круга экономистов и политиков, по ключевым вопросам единых в своем понимании ситуации, задач и рецептов вывода страны из затянувшейся деградации.

23–24 марта в Москве на базе МГУ им. М.В. Ломоносова прошел очередной, уже четвертый, Московский экономический форум (МЭФ) – широкое непартийное научно-практическое мероприятие. На нем, кстати, среди прочего был проведен и круглый стол, посвященный ныне вновь чрезвычайно актуальному моменту нашей новейшей истории – формированию осенью 1998 года и работе правительства Примакова – Маслюкова, буквально спасшего тогда страну, вытянувшего нас всех из пропасти. Видеозапись этого мероприятия есть в Сети.

Кроме того, 22 марта большому МЭФу предшествовал аналогичный форум, прошедший на базе Санкт-Петербургского научного центра – Санкт-Петербургский экономический конгресс (прошу не путать с официально-либеральным финансово-спекулятивным – моя качественная оценка – Петербургским экономическим форумом).

Совокупность позиций и программных положений, высказанных на этих мероприятиях, в том числе представителями КПРФ (крупнейшей оппозиционной силы), Партии дела (лидер которой одновременно и сопредседатель МЭФа) и иных сравнительно малых и сегодня не представленных в Думе национально ориентированных политических сил, учеными и производственниками по большому счету не противоречат друг другу. Но вступает в прямое, можно сказать, антагонистическое противоречие с ныне проводимой социально-экономической политикой на основе рецептов Гайдара – Чубайса и их нынешних наследников.

Совокупность материалов этих мероприятий – это и есть альтернативная экономическая программа. Не догма – по ряду вопросов есть и многовариантность, и внутренние (среди национально ориентированных сил) дискуссии по нюансам. Реальная основа, которая может приниматься к реализации, пусть с какими-то корректировками по ходу, но с совершенно ясным и недвусмысленным направлением движения к новой индустриализации, научно-технологическому, промышленному и социальному развитию.

Реиндустриализация в условиях жесткого противостояния

Мне довелось выступать на всех перечисленных форумах, а на МЭФе, кроме того, еще и вести одно из мероприятий –

уже упомянутый выше круглый стол по реформам Примакова – Маслюкова. Сейчас же хочу обратить внимание на одну из составляющих широкой программы национально ориентированных сил, выше мною охарактеризованной как совокупный труд большого числа людей. А именно – на институциональное обеспечение реиндустриализации страны. Причем не вообще, а в нашей конкретной ситуации – в обстановке прогнозируемого долгосрочно недружественного отношения к нам со стороны самых сильных и научно-технологически развитых в этом мире.

Именно этому и было посвящено мое выступление на пленарном заседании Санкт-Петербургского экономического конгресса 22 марта. Лимит времени был жесткий, и потому пришлось ограничиться лишь практически оглавлением – десятью тезисами с самыми краткими пояснениями, без подробностей. Но, с другой стороны, именно такая вынужденная строгая подача позволяет слушателю (читателю) воспринять материал как целое, не отвлекаясь на подробности. И потому приведу здесь эти десять тезисов лишь с самыми минимальными пояснениями. Те же подробности и расшифровки, которые целесообразны, приведу уже в следующей статье.

Итак, тезисы об институциональном обеспечении реиндустриализации страны в условиях долгосрочно недружественного окружения.

1. Падение мировых цен на нефть – трагедия или шанс для нас?

На протяжении двух десятков лет, начиная еще с 1995 года, я неоднократно писал, что вечно жить за счет продажи за рубеж невозобновляемых природных ресурсов и тем самым научно-технологически деградировать и усугублять свое отставание от Запада невозможно. Неминуемо наступит тот день, когда у нас перестанут все это покупать. Просто возьмут и заберут.

Жизнь повернулась иначе – радикально упали мировые цены на сырье, и прежний уровень жизни за счет фактического паразитирования на доставшемся от предков мы поддерживать уже не можем. Это мы должны понимать как удачу – прозвучал предупредительный звонок. Это не катастрофа, но шанс задуматься, осознать тупиковость, бесперспективность прежнего пути, сменить направленные движения.

2. Предстоит длительный период жизни в условиях крайне недружественного отношения к нам самых развитых государств мира.

Обоснование. Может ли российская власть – сегодняшняя или завтрашняя – вернуть Крым Украине, даже если очень захочет? Не может и не сможет. Никак.

Россия не выдает своих граждан и не может затолкать их против воли обратно на Украину. Точно так же не может выселить крымчан куда-либо, а пустую землю Крыма затем отдать. Это невозможно. То есть никак, даже если бы власти очень захотели.

А для Запада это, конечно, не причина, но основание и повод для демонстративного противодействия нам. По всем

возможным направлениям, прежде всего в части нашего промышленного и технологического развития.

То есть нам предстоит реиндустриализация не вообще, но именно в условиях крайне неблагоприятного окружения. Это совершенно другая задача, и она требует совершенно иных методов решения.

3. Предстоящее развитие нуждается в идейном, мировоззренческом обеспечении.

Да, по конституции ни одна идеология не может у нас устанавливаться как государственная, общеобязательная. Но из этого не следует, что сознательные преобразования возможно провести без широкого согласия по ключевым мировоззренческим позициям.

То есть общеобязательный «ленинский зачет» вводится не может, но единая мировоззренческая база для тех, кто будет разрабатывать и осуществлять программу развития, жизненно необходима.

Несколько элементов предлагаемого мною варианта такой мировоззренческой базы расшифрую в следующей статье.

4. Исключение паразитических звеньев, встроенных во все сферы жизни – в системы экономической, социальную и в госуправление.

Составил (приведу в следующей статье) список основных таких звеньев. К сожалению, он может быть дополнен: как ныне действующими паразитическими элементами, так и постоянно внедряемыми вновь и вновь.

5. Разворот всей финансово-банковской системы не на нынешнюю финансово-спекулятивную самодостаточность, но на обслуживание реального сектора экономики, на обслуживание реиндустриализации страны.

Вопрос касается как ряда мер по изменению статуса Центрального банка и его полномочий, введения механизмов как ответственности руководителей, так и условий деятельности коммерческих банков, регулирования их деятельности. В том числе на основе необходимого для реиндустриализации регулирования рентабельности деятельности всего финансового сектора экономики – как не основного, прибыльного, а сугубо вспомогательного, обслуживающего, подчиненного интересам производства.

6. Разворот всей энергетической, транспортной, жилищно-коммунальной и иной инфраструктуры не на максимизацию прибыли, но на обслуживание производящего сектора экономики, промышленного производства, сельского хозяйства, науки, образования и здравоохранения.

Соответственно, требование межотраслевого баланса, регулирования рентабельности, а также сбалансированности уровней заработной платы: уборщица в Газпроме не должна получать больше, чем та же уборщица в школе или больнице.

7. Характер реиндустриализации: авторитарная или демократическая? На основе идей левых или

правых? Мне больше нравится демократическая (на основе общественного самоуправления и подотчетности власти обществу), но возможны варианты. Важнее другое: реиндустриализация не должна быть симулятивной. Нельзя допускать, чтобы власть лишь делала вид, что меняет курс, но на деле лишь ожидала, когда же все вернется на круги своя и можно будет продолжить паразитировать на природных ресурсах, а значит, и далее деградировать.

Левее или правее? Опять лично мне больше нравится на основе идей более социальных. Хотя бы потому, что вообще в основе такой реиндустриализации – признание приоритета нашего общего интереса (в условиях объективно недружественного окружения) над личным интересом тех, для кого деградация страны не препятствие к личному успеху.

Возможно сочетание стимулов – интереса общего и интереса частного. Но тогда достижение частного интереса должно быть жестко поставлено в зависимость от реализации нашей общей задачи. Одним из инструментов решения этой задачи является межотраслевой баланс, подчиненный планам стратегического развития, а также избирательное стимулирующее налогообложение. Должна быть создана среда, в которой получить на нашей территории прибыль можно исключительно работой на реиндустриализацию страны, но не вывозом переработанного сырья или финансовыми спекуляциями.

8. Подлинная реиндустриализация (а не ее симулирование) возможна исключительно на основе суверенной экономической и социальной политики.

Не было бы нынешней определенности в отношении к нам внешнего мира, его наиболее развитой и сильной части, о степени необходимой нам суверенности при проведении социально-экономической политики еще хоть как-то можно было бы спорить. Но наступила ясность и определенность. Реиндустриализация в условиях неблагоприятного внешнего окружения может быть только суверенной. Прежде всего независимой от тех, кто приложит все усилия для того, чтобы не дать нам развиваться. Отсюда не то чтобы новая (для меня совершенно не новая), но новая в силу предельно прояснившейся ситуации постановка вопроса об отношении к ключевому элементу управления развитием (сдерживания развития конкурентов) со стороны Запада – к ВТО.

Лично я за полный и скорейший разрыв с ВТО, тем более что наши «партнеры» первыми массово пошли на грубое нарушение правил и норм, введя односторонние санкции против России. Но допускаю, что возможны и более постепенные и мягкие варианты. В любом случае вопрос о кандалах ВТО неминуемо встает, и он один из самых ключевых.

9. Осмысленное движение требует ответственного управления.

Хватит играть в президента, который выше всех и фактически все решает, но ни за что не отвечает. И отдельно правительство – как будто за все отвечающее, но с реальным статусом в роде помощника

президента по хозяйству. Должна быть единая ответственная исполнительная власть, и тот, кто реально принимает решения, должен нести за них всю полноту ответственности.

Ответственная Государственная дума (которую нельзя распустить по воле президента, кроме случая, если она не может сформировать большинство, отвечающее за все принимаемые законы). И независимый от какого-либо давления или вмешательства со стороны президента парламентский контроль посредством независимой от президента Счетной палаты (эту независимость еще предстоит вернуть), а также парламентский контроль непосредственный – через парламентские комиссии по расследованию, для компетенции которых не должно быть ограничений.

Ответственные ключевые министерства, прежде всего экономического развития. Министерство не нынешнее – безответственного прогнозирования, но ответственное за разработку и реализацию стратегии экономического развития, с достижением плановых показателей, характеризующих именно уровень научно-технологического и промышленного развития, степень самодостаточности национальной экономики и сбалансированности внешнеэкономических связей, при недопустимости односторонней зависимости от кого-либо.

Ответственный Центральный банк – как нормальный орган госвласти, вписанный в основы конституционного строя – в систему разделения властей, руководство которого обществу подконтрольно, подотчетно и обществом накауемо.

10. Подлинное самостоятельное местное самоуправление, защищенное от криминала. Это необходимо независимо от того, осуществляется ли реиндустриализация в демократичном или авторитарном вариантах. Даже при абсолютной монархии в России местное самоуправление развивалось. Но для этого необходимо жесткое подавление криминала на местах. Только два варианта: либо криминал железной рукой выкорчевывается сверху (я предпочел бы этот вариант), либо необходимо вооружать народ – чтобы он сам на местах мог противостоять ныне уже хорошо вооруженному криминалу. Если не делать ни первое ни второе, то подлинное продуктивное самоуправление не получится – все неминуемо превращается в сплошную «Кущевку». В вариант варварского местного феодализма, не только антигуманный, но и прямо препятствующий современному промышленному и технологическому развитию.

Что остается добавить к этим тезисам в заключение?

В условиях неблагоприятного внешнего окружения мы – в одной лодке. И по всем ключевым вопросам должны не настаивать на каком-то своем идеальном решении, но найти социальный компромисс – все, кто за свою страну, за ее сохранение и развитие. Что означает в нынешней ситуации – за приоритет национальных интересов, интересов национального развития над интересами людьми иными. ■

А.А. КУТЫРЁВА, кандидат философских наук

ЕДИНСТВО МЫСЛЕЙ И ПОСТУПКОВ

Концепт чтения о Ленине из нижегородской глубинки

Идеал, которому посвятили себя такие титаны духа, как Ленин, не может быть бесплодным, благородный пример его самоотверженности, который будет прославлен в веках, сделает этот идеал еще более возвышенным и прекрасным.

Махатма ГАНДИ

ТОЛЬКО при поразительной цельности и при огромной моральной силе могла создаться такая крупная историческая личность, как Владимир Ильич Ленин. Вокруг его облика и деятельности неизменно бушевала и до сих пор бушует страстная борьба мировоззрений, ибо его речи и деяния были направлены для неустанного преследования одной цели: линии революционной классовой борьбы пролетариата и его конечного дела – победы над классовым обществом. Именно пролетариату Ленин посвятил всю свою горячую жизнь и неустанную работу, ему отдал свои мысли и труд в условиях лишений, опасностей и жертв с ранней своей молодости.

Человек, носивший в себе такое громадное историческое значение, оставался простым, скромным, почти по-мужицки живущим пролетарием, жил ли он в бедной лачуге или в царском дворце в Кремле. Он и здесь оставался символом революции: могуче расправляясь в разрушительной и созидательной своей силе, пренебрегая всей мелочностью и узостью жизни, без претензий к роскоши и оставаясь постоянно скромным в своей жизни. Под этим впечатлением Горький сказал о нем: «Его частная жизнь такова, что в религиозное время из него сотворили бы святого». Адлер, австрийский философ, отметил, что человек, который мог бы сделаться русским царем, если бы им руководили личное властолюбие и жажда славы, а не идея социальной революции, умер в комнате прислуги, в загородном доме, из многих комнат которого он хотел жить только в этой. Это не было эффектной игрой, это не была демагогия, наверняка уже чуждая смертельно больному человеку – это был инстинкт человека, который иначе не мог поступать, ибо существованию большой пролетарской идеологии, которую он исповедовал, для которой он жил, мог соответствовать только пролетарский образ жизни. Таким был Ленин – великое единство мыслей, поступков и чувств. Дух целого класса, дух пролетариата образовывал это единство, чтобы благодаря ему сделаться богаче и полным духовной силы. Именно поэтому Ленин жив не только в памяти народной и тем более пребует живым, чем больше пролетариат поймет и выполнит свою историческую задачу, которую Ленин оставил на примере своей жизни.

Никто не умел, как Ленин, угадать настроения рабочей массы и выразить их сжато, выпукло, хлестко. Склонность к абстрактному мышлению уживалась в нем с гениальной чуткостью по отношению к рабочей стихии. Порой на вопрос о его мнении по тому или иному делу он отвечал: «Не знаю... товарищи рабочие решат, им виднее...» Но при этом глаза его хитро улыбались и собеседник чувствовал, что Ильич про себя решил вопрос.

В утопии А. Богданова «Красная звезда» изображен социалистический строй на Марсе. В основу романа было положено переселение на Марс обитателя Земли, которого марсиане взяли к себе с научной целью, желая проследить, как преломятся в его сознании их порядки и нравы. Объяснив, почему переселили социал-демократа и именно большевика, автор на этом не останавливается. Он предвидит вопрос: «Раз им на Марс большевик понадобился, почему они Ильича не забрали?» И чтобы предупредить всякие недоразумения, Богданов вкладывает в уста марсианина организующего эту экспедицию, замечание: «Ленина я не решился взять, т.к. отсутствие его было бы слишком чувствительно на Земле». Как человек он был, безусловно, бесстрашен и честен, в частности, всегда готов был признать, что та или другая часть его теории не осуществилась на практике, всегда готов был сделать отсюда необходимые выводы. Это качество, быть может, самое редкое у политиков и у тех, кто имеет большое влияние на массы. Эдуард Эрио, бывший премьером Франции, отмечал, что как бы он ни был далек от ленинского учения, однако «всегда восхищался его исключительными дарованиями государственного человека, его решительностью, энергией и действительной энциклопедической образованностью. Если бы он жил, то он бы многое сделал для своей страны, ибо это человек, который умел оценивать всякое положение и находить выход из него».

Г.В. Плеханов не находил у Ленина ни малейшего намека на самонимение и тщеславие. Он всегда держался деловито, серьезно и вместе с тем скромно. Ленин относился с уважением к человеческим привязанностям и чувствам. Когда скончался Кропоткин, вдова и дочь умершего послали телеграмму Ленину и попросили, чтобы деятели партии анархистов, в то время сидевшие в тюрьме, присутствовали на похоронах. И Ленин под честное слово разрешил отпустить их на три дня без охраны.

Не вызывает сомнения, что своей славой государственного деятеля, умевшего предвидеть дальнейший ход событий, Ленин обязан отнюдь не какой-то мистической интуиции или провидению, а способности собирать и использовать факты. Он продемонстрировал эту свою способность в работе «Развитие капитализма в России». В ней Ленин бросил вызов экономическим мысли своего времени, выступив с утверждением, что половина русского крестьянства была пролетаризирована, что, несмотря на владение некоторой земельной собственностью, эти крестьяне являлись, по существу, наемными рабочими с наделом. Смелая и дерзкая мысль Ленина нашла свое подтверждение в исследованиях последующих лет. Это не было одной лишь догадкой. К такому твердому выводу он пришел после тщательного изучения и отбора огромного статистического материала земств и других источников.

Да это подтверждается и сегодня! Разве бывшие колхозники не пролетарии? Разогнали колхозы, раздали землю, лучшую тут же ску-

пили буржуи, понастроили на пахотных землях катеджи, а всю неудобицу отдали уже безработным колхозникам. Они теперь ломают голову, как избавиться от привалившего счастья. Работать некому и негде и нечем, а налоги обещают такие, что только плач и стоны стоят в деревнях.

Успех Ленина среди самых широких пролетарско-мужицких масс, не знавших иной выучки кроме царской нагайки, обеспечили и свойства Ленинской пропаганды, и твердая уверенность в правоте дела, которое он вершил.

Н. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» писал: «Народ в прошлом чувствовал неправду социального строя, основанного на угнетении и эксплуатации, но он кротко и смиренно нес свою страдальческую долю. Но наступил час, когда не пожелал больше терпеть и весь строй души народной перевернулся. Это типичный процесс, когда кротость и смиренность может перейти в свирепость и разъяренность. Ленин не осуществил бы план революции без переворота в душе народа. Нужно было сделать первую в мире пролетарскую революцию в крестьянской стране. И он почувствовал себя свободным от всякого марксистского доктринерства, с которым ему надоедали марксисты-меньшевики. Он провозгласил рабоче-крестьянскую революцию и рабоче-крестьянскую республику. Он решил воспользоваться крестьянством для пролетарской революции, и он успел в этом деле, столь смущавшем марксистов-доктринеров».

О чем писал Ленин? О том, «что капитализм должен быть разрушен и уничтожен, но на смену ему идет диктатура пролетариата и о том что «Россия – это по преимуществу страна хлебов, ржаная, деревянная, темная, нечеловечески угнетенная, замордованная, неграмотная, некультурная. Никогда не забывать этих особенностей и своеобразия – этому учил Ленин социалистов, действующих и борющихся в России».

Вот какую Россию мы потеряли – почитайте хотя бы «Подлиповцев» Решетникова. Далее А. Воронский, талантливый журналист, писал: «Ленин с удивительным чувством реализма и исключительным знанием России неутомимо вскрывал весь полубарский, кисельный и кисейный иллюзионизм и утопизм нашего в бозе почившего ныне народничества и наш рылый, подлый, продажный, вихляющийся «семя» и «овамо», сюсюкающий, «кисло-сладкий», торгующий собой оптом и в розницу, распивочно и навывнос, бесхребетный либерализм нашел в Ленине такого беспощадного и верного оценщика, которого Россия не знала до него».

Нашего крестьянина Ленин никогда не размалевывал, не подкрашивал, в противовес отвлеченному народолюбию, но он видел в нем не только собственника, но и человека труда, столетиями несшего иго крепостников и царских oprичников. Именно понимание «двух душ», живущих в крестьянине, и дало основание Ленину говорить о союзе пролетариата с крестьянством.

Россия у Ленина лежит на грани двух культур, двух миров, между Европой и Азией, капиталистической Европой, в судорожных попытках стремящейся превратиться в сплошные колонии страны Востока, и Азией, где неудержимо властно развивается и разветвляется и вширь и вглубь борьба угнетенных против цивилизованных поработителей. И мы видим сегодня, как насаждают демократию, читай – диктатуру буржуазии на Ближнем Востоке и в Африке.

Разве Ленин был не прав? В жизни каждого революционера бывает момент, когда все си-

лы, мысли и чувства, всё напрягается в одном высшем могучем порыве. Для Ленина таким моментом была война. Никогда столь крепко, сильно, непоколебимо, так страстно, так пророчески не звучал его голос, как в эти страшные годы. Это был тот и в то же время другой Ленин, гигантски выросший, титан и мятежный трибун и борец до конца. И теперь-то точно известно, что его голосом говорила прежде всего «серая, шинельная, окопная Русь, изглоданная вшами, смертная, избитая, искалеченная, с искаженными чертами лица, с хрипом и хрястом костей». «Пораженчество» Ленина глубочайшими истоками питалось настроениями рабочего класса и крестьян. Чистюли, рассуждающие на мягких диванах и заграничных курортах о том, что надо было воевать до победы, наденьте тифозную шинель и садитесь в сырой окоп под газовую атаку! Каждый мнит себя стратегом, видя бой издалека.

Президент В.В. Путин на заседании президентского Совета по науке и культуре 21 января (в день памяти Ленина) сказал, что якобы это Ленин подложил атомную бомбу под Советский Союз. По крайней мере неосмотрительно, более того – взрывоопасно говорить так в сложной внутренней обстановке, не смотря на зашкаливающий рейтинг. В этом рейтинге, между прочим, половина голосов принадлежит советским людям, поддерживающим отнюдь не внутреннюю политику, а отдающим дань президенту за воссоздание Армии, потерянной не Советским Союзом, а в объятиях капиталистов, и за возвращение Крыма. Самое главное, что неосмотрительные высказывания первого лица государства послужили толчком к высказываниям уже совсем за пределами. Судите сами. Литератор А. Байгушев, позиционирующий себя православным националистом и стратегическим разведчиком Советского периода, высказал идею вредную и опасную в политическом отношении, что подтверждается его же собственными высказываниями, в которых логика не ночевала. Судите сами: «Пусть каждая национальность, каждая страна сама решает свои дела. У нас сейчас, скажем прямо, жизнь простого народа (всех, кроме горстки купающихся в роскоши за счет всенародного достоинства шустрых олигархов и их чиновничьей службы) горько безрадостна. Продукты и товары широкого потребления ощущают подорожали. Надолго ли нам хватит сил затягивать пояс? Подарим людям хоть развлечение – торжественные похороны Ленина!»

Как просто решить проблему затягивания поясов: стоит лишь похоронить Ленина, как предлагает Байгушев своему православному президенту. И проблема решена! Вот такой рецепт мобилизации – рецепт развала страны. Поистине зоологическая ненависть к Ленину сыграла с господином злую шутку: ура-национализм подвинул его к опасному подстрекачеству.

Вот что писал о Ленине другой националист – Н.В. Устрялов: «Но мало еще сказать, что он был великий исторический деятель и великий революционер. Он был кроме того **глубочайшим выразителем русской стихии в ее основных чертах. Он был, несомненно, русским с головы до ног.** И самый облик его – причудливая смесь Сократа с чуть косоватыми глазами и характерными скулами монгола – подлинно русский, «евразийский». Много таких лиц на Руси, в настоящем, именно «евразийском», русском народе:

– Ильич...

А стиль его речей, статей, словечек? О, тут нет ни грана французского пафоса, столь «классически революционного». Тут русский

дух, тут Русью пахнет... В нем, конечно, и Разин, и Болотников, и сам Великий Петр. В грядущих монографиях наши потомки разберутся во всей этой генеалогии...»

Байгушев настаивает на своем рецепте решения насущных проблем: «Самым лучшим подарком всему русскому народу к предстоящим осенью непростым выборам в Государственную думу в опасный момент экономического кризиса будет перезахоронить Ленина и всех большевиков, лежащих в могилах и в стене на Красной площади. Гордыев узел на шее русского народа надо развязывать, потому что Ленин – потомок хазар-кочевников!», а значит иудей. Откуда это известно? А вот был у хазар свирепый хан Уля – от него и пошла фамилия Ульянов. Лыко в строку – ваша, как вы считаете, родовая фамилия, вообще тюркская и переводится на русский язык как «Жданов».

И потом, всех подряд будете перезахоронивать или кого-то оставите? Например, Юрия Гагарина и маршалов Победы?

Теперь понятно стало, почему пал под натиском врагов, внешних и внутренних, Советский Союз! С такими стратегическими разведчиками это совсем неудивительно.

Для сохранения «согласия и примирения», высокого рейтинга президента надо не Ленина хоронить, а хотя бы повисеть МРОТ до уровня прожиточного минимума, а то народ умрет и не с кого будет собирать налоги... Русский народ терпеливый и нетребовательный, он этому обрадуется. Только не говорите потом, что русский бунт бессмысленный и беспощадный.

Вот что писал Н. Бердяев об интеллигенции: «Вся ее история подготавливала коммунизм. В нее вошли знакомые черты: жажда социальной справедливости и равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом, отвращение к капитализму и буржуазии, стремление к целостному мирозерцанию, к целостному отношению к жизни, сектантская нетерпимость. Если остатки старой интеллигенции, не примкнувшей к большевикам, не узнали своих собственных черт в тех, против кого они восстали, то это историческая аберрация, потеря памяти от эмоциональной реакции».

Столица и так называемый «свет» живут отдельной от всей страны жизнью. Они не видят заросших полей, мерзость запустения в брошенных деревнях, селах и уже в городах не видят лишений и нищеты, тяготы болезней и немощь страданий. Оптимизация! Ничего не поделаешь, врачи нам не нужны, перечислим их на продавцов. Ну и пусть врач профессия уникальная, требующая длительного обучения. Для богачей их хватит, для народа и так сойдет.

Но все это можно избыть, если люди, большинство людей, хотя бы добра своей стране и друг другу. Однако у нынешних властей нет чувства такта ни к великим, ни к простым людям, ни к мужчинам, ни к женщинам, ни к идеям других, например советских людей, а таких людей много не только в России, но и по всему миру, даже в чванливой Грузии, спесивой Польше, беспамятной Болгарии. И сознание этих людей не расшатывается, наоборот, оно закаляется.

Пусть Ленина нет, его дело – защита обездоленных и угнетенных – будет продолжаться и дальше усилиями коммунистов нашего времени.

Нижегородская обл.

Раиса КУЗНЕЦОВА

Блажен, кто совершил свой подвиг до конца

О Николае Николаевиче Кузнецове

Мой супруг Николай Николаевич Кузнецов работал в Курчатовском институте с 1964 по 2005 год и отдал ему свыше 40 лет своей жизни. Здесь в 1967 году он встретил меня, и с тех пор не расставались. Он любил институт, жил его интересами, считал своим вторым родным домом.

Предки Николая Николаевича – уроженцы и жители Архангельской, Московской и Калужской губерний. Сам он москвич в четвертом поколении, родился 6 февраля 1940 года в семье Адмирала Флота Советского Союза, в то время Народного комиссара Военно-морского флота СССР Николая Герасимовича Кузнецова и его жены Веры Николаевны. В семье образцом поведения были честность, скромность, порядочность, и эти непревзойденные ценности родители передали сыну. Все, имевшие счастье знать Николая Николаевича, на себе испытали эти замечательные качества его нестигаемого, счастливого и благородного характера.

В 1954–1958 годах Николай учился в Ленинградском Нахимовском училище, а после его окончания – в Ленинградском высшем военно-морском инженерном училище имени Дзержинского. Мечтал продолжить морскую династию отца. Но в тех условиях, когда отца изгнали из Военно-морского флота, оба понимали: этому не бывать. И сын ушел на гражданку в звании инженера-лейтенанта. Но любовь и благодарность к своим первым «ВМФ-университетам» сохранил, а все, чему научился, органично и с пользой вошло в его жизнь.

Еще до окончания в 1964 году Московского энергетического института Николай Николаевич начал работать в Курчатовском институте. Вскоре он проявил себя здесь как инженер-исследователь, а также и изобретатель в области автоматики, радиоэлектроники и телемеханики, электронного приборостроения, создания и эксплуатации комплексных телевизионных систем специального назначения для сложных физических экспериментов в научных исследованиях. Разработал ряд уникальных электронно-автоматических установок для сложных физических экспериментов (получивших авторские свидетельства и давших высокий экономический эффект), которые использовались как в институте, так и в экспедициях в разных районах СССР в деятельности таких выдающихся ученых института, как Д.Л. Симоненко, И.К. Кикоин и других, высоко ценивших Николая Николаевича. Из записки в Личном деле об Н.Н. Кузнецове конца 1960-х годов: «Имеет свыше 20 научных отчетов по проблемам автоматики, радиотехники и телемеханики, телевизионной диагностики физико-химических процессов, приборостроения... Разработал ряд уникальных автоматических приборов и установок для сложных физических экспериментов».

В 1969 году Кузнецов был назначен к академику И.К. Кикоину заместителем по инженерным и производственным вопросам. За пять лет модернизировал опытное производство сложнейшего научного подразделения. Многие приборы разработал и внедрил лично сам.

Параллельно с работой он закончил в 1967 году вечернее отделение Университета международных отношений, в 1974 году был назначен заместителем директора – главным инженером всего Института атомной энергии имени И.В. Курчатова (ИАЭ), которым руководил академик А.П. Александров.

В те годы в ИАЭ трудился многотысячный коллектив, и он состоял практически из нескольких институтов с собственной инженерно-технической базой, опытными производствами, уникальными экспериментальными установками, за состоянием и развитием которых надо было следить, модернизировать и заниматься реконструкцией всего инженерного парка. С обязанностями на новой должности Николай Николаевич справлялся профессионально, талантливо и в ряде случаев, можно даже сказать, героически. Всегда компетентен, оперативен, доброжелателен, спокоен, уравновешен и, как вспоминают сотрудники, был «комфортен» в общении с людьми.

Супруг пропадал на работе. Родители и мы жили в центре. Сначала у нас был мотоцикл, потом накопили денег и купили ма-

ленькую машинку. В 8 часов уезжали из дома. Возвращались в разное время: я в 19 часов, он за полночь. И так много лет. Николай Николаевич осознавал, что нужен институту, что приносит пользу, и был счастлив...

Все же Николая Николаевича в эти годы постоянно тянуло к работе непосредственно с техникой. И, отслужив пять лет на высокой должности главного инженера Института, примерно за пять лет до Чернобыля, он уговорил академика А.П. Александрова и его первого заместителя академика В.А. Легасова отпустить его на новую работу, создать в ИАЭ подразделение – отдел комплексных измерений и анализов (ОКТАН) с лабораторией оптических измерений при нем для регистрации причин возникновения техногенных аварий и с видеостудией. Насущность и перспективность такой службы для исследований, которые вел институт, и для нашей атомной энергетики были очевидны.

В то время стала появляться новая видеотехника, которой он оснастил свой ОКТАН. Владел он ею потрясающе. К тому же сам создавал уникальные системы и приборы. Так, благодаря Кузнецову в ИАЭ родилась уникальная студия научно-технической видеoinформации, известная и памятная всем как «НТВИ-Кузнецов», которая стала его лебединой песней. Ему удалось сформировать колоссальную информационную базу видеозаписей экспериментальных работ по созданию новой техники, исследованиям устойчивости оборудования АЭС, термоядерным исследованиям, по реконструкции научно-производственной базы института, промышленной безопасности, чрезвычайным аварийным ситуациям в нашей стране и мире. Их подавляющую часть он снимал лично, не жалея живота своего, и в небе, и на воде, и на земле, и под землей... Здесь систематически анализировал создаваемые и накопленные уникальные информационные массивы о текущей деятельности и истории Курчатовского института в период разработки атомного оружия и атомной проблемы, (а после случившегося в Чернобыле – и об этом).

К 1980-м годам Николай Николаевич вырос в специалиста высокого класса в области автоматики, радиоэлектроники и вычислительной техники, телевизионных систем специального назначения. Он был единственным в институте ведущим специалистом и руководителем работ по телевизионной диагностике физико-химических процессов. В 1981 году, в соответствии с постановлением правительства, ему было поручено создать сложнейший комплекс телевизионной и измерительной аппаратуры, систем диагностики и возглавить его эксплуатацию. Дело было сделано, и уникальный передвижной комплекс позволил вести телевизионную диагностику физико-химических процессов в экспериментах, проводимых в разных регионах страны. Участвуя в научных экспедициях Института атомной энергии, Николай Николаевич, выезжал (вместе с другими специалистами) на объекты Минсредмаша, Минобороны, на атомные, научно-исследовательские станции и полигоны, в Среднюю Азию (в Семипалатинск), на Дальний Восток, на Балтику, на Ладогу и Северный флот, где проводились важнейшие эксперименты по безопасности техногенных систем. Работал всюду, участвуя в научно-исследовательских работах ИАЭ. В ходе экспериментов его деятельность позволяла оперативно, надежно и точно получать результаты, вносила вклад в подготовку и успешное проведение заводских и государственных испытаний ОКР специального назначения, сокращала сроки разработки и внедрения высокоэффективных образцов специальной техники, в целом повышая тем самым экономический эффект.

Материалы видеостудии постоянно были востребованы в процессе научных исследований работ ученых института по промышленной безопасности, а также и в СМИ, киностудиями, широкоэкранным телевидением в просветительных программах о научных достижениях страны, Института атомной энергии, его истории, его людях и т.д. Н.Н. создал у себя уникальную хроникально-документальную базу видеоматериалов по авариям, катастрофам, экологии, стихийным бедствиям, более 160 авторских demonstra-

**Встреча
с представителями
ВПК на одной
из установок
Курчатовского
института.**

академик

1. А.П. Александров

2. Я.П. Рябов

3. Е.П. Славский

4. В.А. Легасов

5. Н.Н. Кузнецов

(главный инженер
ИАЭ)

ционных фильмов с использованием этих базовых данных, в т.ч. по тематике института. Причем действовал главным образом персонально – и как координатор, и как оператор, и режиссер, и сценарист. Порою сам озвучивал их. Работа Н.Н. в качестве оператора заслуживает памяти особой – он лично осуществил тысячи километров видеохроникальных записей научных экспериментов, которыми занимался институт в интересах государства и событий, происходивших в стране, в т.ч. жертвывая своей жизнью.

Как-то мне попала фотография: из открытой двери кабины летящего вертолета Николай Николаевич снимает на камеру проходящий под ним крейсер «Маршал Василевский». Спрашиваю: «Расскажи, где и что это было?» Рассказывает: «Так и так». «А как же ты мог, высунувшись наружу, лететь и снимать? Не страшно?» Улыбается. Я знала, что особого удовольствия летать на самолетах он не испытывал. Если путешествовать, отдыхать – в Крым, в Прибалтику, по «Золотому кольцу» – сам всегда за рулем. Очень любил водить. А тут вдруг – в открытой кабине вертолета над морем. «Тебя же могло сдунуть ветром», – говорю. А он мне: «Любуйся и не бойся за меня. Иногда, чтобы сделать что-то стоящее, нужно и полетать». Он был отважным человеком.

В тот день, когда в Чернобыле взорвался реактор (Николаю Николаевичу было только 46 лет) и он узнал об этом, он почему-то тихо сказал мне: «Надо помочь». Если бы я знала, что его ждет, я бы встала на пороге и не пустила бы. Конечно, он не послушал бы он меня, потому что решал всегда сам. Но знаю, что он всегда любил меня, и мне сейчас кажется, что, может быть, какие-то выводы и сделал бы. А что произошло потом, после Чернобыля, незаживающей раной легло на мою душу, до сих пор истекающую болью, потому что вино себя, что он потерял здоровье и жизнь.

Отчетливо помню, как в воскресенье, 26 апреля, он сказал: «Звонил Легасов, на ЧАЭС авария. Нужно подготовиться выехать в Чернобыль. В 6-ю больницу везут пострадавших со станции. Я нужен там».

Их было 28 человек, тех, кто пострадал в первые дни аварии на ЧАЭС, кто гасил реактор, сильно облученных, доставленных в 6-ю больницу в Москву. Здесь этих людей тщательно исследовали, здесь они ежедневно погибали от термических и радиационных ожогов. С 27 апреля, весь май и первую половину июня, Николай Николаевич и сотрудник его отдела Станислав Алексеевич Смирнов (Слава – так звал его Н.Н.) ежедневно вели оперативные съемки пострадавших облученных, включая патолого-анатомические вскрытия умерших, проводившиеся патолого-анатомами и врачами отделения профпатологии. Снимали, чтобы сохранить их трагический облик для медицинской науки, для истории. В это время в больницу приезжал американский доктор Гейл. Эти съемки –

страшное зрелище, требующее крепкого духа и здоровья. Когда в 1998 году Николай Николаевич показал фрагменты бывшему заведующему больницы имени Склифосовского Теряеву Владиславу Георгиевичу, у того «от увиденного волосы на голове дыбом встали». Так, еще до отъезда в Чернобыль, уже с 27 апреля, началась Чернобыльская вахта Николая Николаевича Кузнецова по ликвидации последствий этой чудовищной катастрофы.

Об июньской эпопее на ЧАЭС позже Н.Н. рассказывал Льву Николаеву, снимавшему фильм «Предупреждение», делясь добытой хроникой для этого фильма: «Написал я бумагу Легасову, чтобы отпустил меня ехать на станцию. Он говорит, что там еще огонь полыхает, реактор горячий. Подожди, пусть там немного успокоится». «Когда «реактор остыл», – вспоминал член Правительственной комиссии Ю.П. Костенко в период руководства ею Ю.Д. Маслюковым, – доложили Ю.Д. Маслюкову, он сказал: «Как же мне в Политбюро-то доложить, чтобы они поверили. Они ведь верят только ученым. Надо делать фильм для Политбюро. Поэтому мне нужно решать, вызвать ли сюда военную кинохронику? Но чтобы она здесь работала, нужно научить их оператора, нужно написать сценарий, разъяснить, что и как снимать. А мы пока сами еще не можем разобраться...» И вот тогда академик Легасов сказал, что в Курчатовском институте под его руководством работает видеогруппа: «Они всё могут, всё снимут и подготовят доклад с видеокартинками. И вызвал Кузнецова».

Как участник ликвидации атомной катастрофы на ЧАЭС Н.Н. Кузнецов был командирован в распоряжение Правительственной комиссии. Вылетел в тяжелейшие июньские дни 1986 года. Работал там и в сентябре-октябре 1986-го, когда возводили «Укрытие» – саркофаг – над IV блоком АЭС. И в 1987 году, и эпизодически в 1990–1991 годах.

Улетал со Славой Смирновым с аэродрома Чкаловский. «Председатель Правительственной комиссии Б.Е. Щербина сменился, приехал Ю.Д. Маслюков. Там еще не могут разобраться, что происходит, нас вызвали снимать всё и делать фильм для Политбюро. Везем много тяжестей, Легасов прислал самолет, обещал Правительственной комиссии, что «наши курчатовцы всё могут, всё снимут и подготовят доклад с видеокартинками», – сказал он мне. Буквально за считанные минуты собрался и улетел.

Николаю Николаевичу и его группе предстояло провести телевизионную и радиационную разведку, зафиксировать на видео, фото- и кинолентку всю хронику происходящего – как по развитию аварии, так и по ликвидации ее последствий, а также создать на их основе другие необходимые видеоматериалы: доклады, отчеты и пр. Конкретно они были обязаны: провести радиационную и телевизионную разведку на IV блоке АЭС и в зоне поражения; осуществлять в ходе работы по ликвидации аварии видеозаписи

(Продолжение на 12-й стр.)

Григорий ФЕДОТОВ

ДВА МАТЧА

(из записок футболиста)

Мы долго не могли поймать нужную радиоволну. То вдруг комнату заполнял глуховатый, идущий словно из-под земли звук органа, то врвался чей-то голос, потом аплодисменты, смех, трескучая, ломаная музыка джаза.

Наконец удалось. Сначала донесся очень издали, затухая, затем ближе и отчетливее знакомый голос радиокomentатора Вадима Синявского:

— Мы на лондонском стадионе «Челси»...

13 ноября. Говорят, английские футболисты не очень хотели играть в этот день. Тринадцать несчастливое число, а вдруг да что-нибудь случится?

Московские динамовцы, одиннадцать советских граждан, воспитанники советской школы футбола, вышли на поле в столице Англии, чопорном Лондоне, для того чтобы помериться силами с «классиками» футбольной игры, кричавшими на весь мир, что еще никому на свете не удавалось победить британских футболистов на их земле.

С профессиональными футболистами Англии нам до состязания московское «Динамо»—«Челси» не приходилось встречаться. Весь спортивный мир напряженно ждал, каков же будет исход поединка английских профессионалов с молодой московской футбольной командой?

«Крупные и убедительные победы наших мастеров над лучшими командами многих стран хорошо известны. Футбольная Англия должна как следует проучить дерзких», — так говорили перед микрофонами и на страницах газет дельцы буржуазного спортивного Лондона.

Глубоко принципиальное значение имела для нас, советских футболистов, встреча с британскими профессионалами кожаного мяча. Мы знали, что нам предстоит встретиться с сильным, опытным, опасным противником. Я говорю «мы» и «нам», хотя мне и не пришлось играть тогда с англичанами. Но ведь каждый помнит, что в те минуты, когда наши товарищи-динамовцы выходили на поле стадиона «Челси», все мы, советские люди, переживали одно чувство, волновались, думали и спрашивали себя с тревогой и надеждой: как-то мы там сыграем, как покажем себя?...

В атмосфере страшнейшего ажиотажа начинали динамовцы встречу на лондонском стадионе. Буржуазные английские газеты накануне состязания не постеснялись кичливо пророчествовать: «Русские недостаточно сильны, чтобы играть с нашими лучшими командами. Они всего лишь начинающие футболисты».

...Преодолев шорохи, шум, треск, донесся с лондонского стадиона первый сигнал судьи.

Игра началась. Наступают динамовцы. Мысленно видишь их, следишь непрерывно за каждым их шагом, стараясь представить себе как можно яснее в быстрых взволнованных фразах репортажа события, развертывающиеся на поле. Слышатся знакомые имена товарищей.

Играет там, в Лондоне, старый мастер, единственный из нынешнего состава динамовцев, у кого есть опыт международных встреч, — Михаил Семичастный. В прошлом сильнейший нападающий, он перешел теперь на место центрального защитника. На стадионе «Челси» происходит сегодня своеобразное спортивное соревнование Семичастного с лучшим, как кричали газеты, центральным нападающим Англии Томми Лаутоном, закупленным на скорую руку клубом «Челси» перед игрой с «Динамо». Для Лаутона поединок с Семичастным имеет не только спортивный, но и коммерческий смысл. Он должен отработать те тысячи фунтов стерлингов, за которые его купили хозяева «Челси».

Впоследствии Семичастный рассказывал, что ему было трудно приспособиться к игре английского футбольного премьер-лиги. Тот в самом деле оказался сильным игроком, хорошо видел и понимал игру, виртуозно играл головой. Но чем сильнее противник, тем почетнее победа в единоборстве с ним.

Проходит двадцать минут, напряженных, полных надежд и тревог. Что там молчит Вадим Синявский?

Наконец шум, приглушенный и долгий, врывается в комнату.

— Подается угловой удар у наших ворот... Вот мяч в воздухе. Пролетает вдоль линии ворот... Что такое? Почему упал Семичастный?

Произошло следующее. Мяч подавался от углового флага. Лаутон близко подошел к воротам. За ним следовал Михаил Семичастный. Когда мяч оказался у ворот, Лаутон неожиданным грубым толчком сшиб с ног Семичастного, забил гол...

Наши переходят в наступление. Но спустя несколько минут футболистам «Челси» удается провести еще один мяч в наши ворота.

2:0. Но знаю, бывало ведь так — казалось, проигрывали, но оттого еще упрямей играли, еще сильнее становилась воля к победе.

Леонид Соловьев бьет одиннадцатиметровый штрафной и попадает в штангу. Волновался, видно, сильно, поспешил.

Перерыв. Как долго он длится! Мы сидим возле приемника, что-то говорим рассеянно, отвечаем невпопад.

● Григорий и Владимир Федотовы.

Сто лет назад, 24 апреля, родился один из ярчайших советских футболистов XX века Григорий Федотов. Играть по-настоящему в футбол начал в клубе «Металлург» московского завода «Серп и Молот», где быстро стал любимцем публики, несмотря на свой юный возраст. В 1938 году был приглашен в ЦДКА. Вместе с Всеволодом Бобровым они составляли ту ударную силу, которая помогла армейцам три года подряд становиться чемпионами страны и дважды завоевать Кубок. После его смерти в 1958 году ЦСКА учредил приз его имени самой результативной команде чемпионата. А в конце 60-х был создан клуб Григория Федотова, в который включались футболисты, забившие более 100 голов. В этот клуб вошел и сын Григория Ивановича Владимир.

Все мысли там, на стадионе «Челси». Как-то развернутся сейчас события?

И снова далекий, чуть слышный свисток судьи. Неотрывно смотрим на приемник. Динамовцы начали вторую половину встречи длительной атакой.

Англичане отчаянно защищаются. Но динамовцы все атакуют и атакуют, навязывая противнику свой темп, все более и более стремительный.

— Мяч у Константина Бескова. Он отлично, продольной сильной передачей выводит вперед Василия Карцева! Тот молниеносно бьет метров с восемнадцати! Гол!... Да, бесспорно, мяч в сетке ворот!...

Как по команде, дружно переводим дыхание. И киваем друг другу: «Тише». А сами думаем: «Пожалуй, вот оно, начинается. Только бы не ослабили напора». Но где там! Снова атаки одна за другой, снова нарастает далекий шум стадиона. Мяч в сетке. В сетке британских ворот. Счет 2:1!...

Но снова нас постигла неудача. Футболисты «Челси» буквально за-

талькивают Алексея Хомича с мячом в ворота. Такая игра на вратаря у нас не принята. Но там, в Англии, свои понятия о спортивной этике. Они узаконены, эти понятия, чуждые нам по своему духу.

Динамовцы снова переходят в атаку. Остаются считанные минуты. Теперь мы не отводим глаз от стрелки на циферблате часов. Наши товарищи там, в Лондоне, продолжают упрямо, мужественно напряженную спортивную борьбу. И вот опять на какой-то миг замолкает голос комментатора. Молчание. Только слышно, очень шумит стадион.

— Итак, счет 3:3! Футболисты «Челси» вынуждены начинать игру с центра поля. Они теперь очень волнуются. А наши, завладев мячом, снова переводят игру на территорию противника.

Игра закончилась неожиданно, хоть и следили мы по часам за каждой уходящей минутой.

Ну что же! Для начала неплохо! А там посмотрим. Поживем — увидим, как говорит пословица.

Трижды еще играли динамовцы на стадионах Англии и Шотландии. Было немало ярких эпизодов в этой спортивной борьбе молодой советской футбольной школы с канонизированным британским профессиональным футболом. Трижды играли наши и каждый раз побеждали. «Если мы хотим удержать наше место в футболе на прежней высоте, – вынужден был в конце концов признать один из английских футбольных обозревателей, – нам придется перенять те современные, научно обоснованные методы игры, которые разработали русские».

Так и написал «перенять», то есть, иначе говоря, поучиться. Но, кажется мне, не так-то просто перенять английским профессионалам черты нашего футбола. Взять какую-то схему? У нас ее нет и быть не может. Тактику? Но ведь каждая тактика мертва без души, без того, что определяет ее содержание и характер.

Душа наших побед – моральная сила, высокая идейность советского человека. Это все тот же животворный советский патриотизм, воспитанный самой нашей жизнью, ее укладом, моральными принципами, трудовым обществом, в котором вырастает гражданин Советского Союза!

Разве все это можно перенять? Пустое затеял английский футбольный обозреватель. Не понял он ничего. Но то, что признал решительное, глубоко принципиальное поражение своего футбола во встрече с нашим, – это безусловно правильно!

К концу сезона 1947 года создавалось чрезвычайно острое положение в борьбе за первенство. Московское «Динамо» провело все игры и, набрав 40 очков, возглавляло таблицу. У нас было 38 очков, но оставалась еще одна игра со сталинградским «Трактором». Соотношение забитых и пропущенных мячей у нас и у динамовцев выглядело так: «Динамо» – 57:15; ЦДСА – 56:16.

В то время в случае равенства очков вопрос о первом месте решался соотношением мячей. Отсюда вывод – для того чтобы сохранить за собой звание чемпиона страны, нам необходимо было не только выиграть встречу у сталинградцев, но и сделать это со счетом минимумом 5:0, так как только такой счет давал нам лучшее соотношение мячей, а с ним и победу в чемпионате!

5:0! Задача сложнейшая, почти невероятная. Ведь играть нам предстояло с хорошей, сильной командой, тем более на ее поле.

В самом боевом настроении мы вышли перед игрой на сталинградский стадион. Начался последний, напряженный эпизод спортивной борьбы за право возглавить таблицу всесоюзного чемпионата.

Начинаем состязание сразу с решительной и затажной атаки. Времени терять нельзя ни секунды, ведь предстоит провести не один мяч.

Стараясь играть исключительно точно, без ошибок. Надо сказать, что состав команды у нас был в то время

одинаково сильной во всех линиях. Мы отлично сыгрались, понимали друг друга, точно передавали мяч.

Тренер Борис Андреевич Аркадьев всегда учил нас, что умение передавать мяч определяет качество игры. У нас, в армейской команде, выработалась своя манера передачи мяча, определившая наш стиль. В отличие от московского «Динамо», предпочитавшего, как правило, длинные продольные и косые передачи, с тем чтобы вывести нападающего по центру к воротам или перевести игру с края на край, мы больше применяли короткие, быстрые передачи друг другу в одно касание.

Хочется напомнить молодым игрокам, что в современном нашем футболе быстрота и техника решают все. Игра в медленном темпе, сколь ни хитроумно тактически она задумана, будет тут же разгадана и развитие ее предупреждено. Недостаточное же техническое умение, даже при большой скорости, обесценит все тактические замыслы. Не владея техникой в той степени, которая бы позволяла действовать на высокой скорости свободно, игрок не сможет точно передать мяч в ходе развития наступления, не сможет сделать точного удара по воротам в момент завершения атаки.

Степень технической подготовки игроков команды определяет ее тактические возможности. Бесспорно, что если нам, армейским футболистам, удалось создать свой стиль непрерывных быстрых атак, этим мы обязаны прежде всего физической подготовке, позволяющей нам играть все 90 минут в стремительном темпе, и технической зрелости каждого игрока.

Все это к слову. Вернемся к состязанию со сталинградским «Трактором». На протяжении примерно 10 минут мы решительно, настойчиво атаковали. Но безрезультатно!

Сталинградцы отлично защищались. Нашему напорю они противопоставили четкие защитные действия. Мяч совершал замысловатый путь от штрафной площадки «Трактора» к середине поля и снова обратно. Темп игры был необычайно высоким, напряжение огромным. В такой обстановке нетрудно и потерять голову, наделать ошибок, стремясь во что бы то ни стало к результату.

Но этого, к счастью, у нас не случилось. В полной мере сказались в тяжелые минуты качества дружного коллектива. Каждый отдавал все, что имел, молча, без слов поддерживая своей упорной, волевой игрой упорство и волю другого.

На тринадцатой минуте счет удалось открыть. Валентин Николаев, завершая очередную атаку, оказался неожиданно для защиты противника неприкрытым. Удар по воротам! Гол!...

Примерно в середине первой половины я, успев использовать отличную подачу на ворота головой, забил второй мяч в ворота «Трактора».

При счете 2:0 перерыв. В раздевалке скупые, короткие разговоры. Очень спокойно, вполголоса тренер делает замечания.

– По-моему, – говорит он, – все идет хорошо...

Мы понимаем и этот тон, и это «хорошо». Благодарны старшему товарищу за его спокойствие, хотя каждый видит, как сильно взволнован этот всегда исключительно выдержанный человек.

– Ничего, Борис Андреевич, – как будто между прочим говорит Гринин. – Еще сорок пять минут игры!...

– Конечно, – кивает головой тренер, – я тоже так думаю.

И больше ни слова. Верит тренер в свою команду, в свой коллектив, с которым сросся душой, в котором видит самое для человека дорогое – плоды своего труда.

После перерыва снова атакуем. Снова Валентин Николаев, на этот раз еще на подходе к штрафной площадке, получив мяч, тут же с ходу бьет по воротам. Защитник падает в ноги. Поздно! Мяч в сетке! Вратарь что-то кричит защитнику, верно, сердится, что тот своим падением помешал ему увидеть полет мяча.

3:0! Но еще рано радоваться. Продолжаем атаковать и только атаковать. Мне кажется, никто из нас в этой встрече так ни разу и не отвел глаз с поля, не слышал ничего, что делается на трибунах, не думал ни о чем, кроме игры.

И вот снова мы у штрафной площадки. Мяч у Всеволода Боброва. Он делает с ним рывок вперед. Хочет пройти сам. Сможет ли? Два защитника стремительно бегут с ним рядом нога в ногу. Знаю, как это трудно – вот в таком положении ударить по мячу!

На полкорпуса вырывается вперед Бобров. Даже, пожалуй, меньше – на несколько сантиметров... Сильный, точный удар, и счет становится 4:0 в нашу пользу!

Рано успокаиваться. Чем ближе цель, тем играть надо упорнее. Но сталинградцы переходят в атаку. Очень быстро мяч оказывается у наших ворот. Хорошо успевают выйти вперед Никаноров, перехватывает в полете мяч, рукой выбрасывает его в ноги своему защитнику.

Правильно поступил! Очень важно

для команды, отбившей атаку, завязывать свое наступление не с борьбы за высокий мяч, посланный вратарем, когда полузащита противника успевают оттянуться назад, а защита «закрыть» игроков, а именно вот так, с точной передачи от игрока к игроку вперед. Полусредним удается на несколько метров оторваться от своих «опекунов», участвовавших в наступлении. Теперь вперед, стремительно, смело. Мяч передают мне, бегу на край, увлекая за собой центрального защитника. Уверен, Гринин правильно поймет. Так и есть. Он мгновенно делает рывок с края в центр, к штрафной площадке. Надо немного поводить за собой моего «опекуна», чтобы Гринин успел оказаться на месте. Очень важно уметь сочетать в игре передачу мяча в одно касание с обводкой. Это бывает нужно для того, чтобы дать своим партнерам возможность переместиться, занять удобную позицию.

Место Гринина на краю занимает Николаев, делаю вид, что хочу послать мячу ему. Мой «опекун» поверил, метнулся перехватить мяч.

Быстро направляю мяч Гринину. Все это решается в какие-то доли секунды.

Гринин свободен. Бьет!... Даже, помню, присел я немного. Рукой какое-то движение сделал. Уж очень хотелось, чтобы мяч оказался в воротах!

5:0! Намеченное выполнено. Не стану утверждать, что и после этого необходимого нам счета команда играла с тем же подъемом и напором. Конец игры прошел в борьбе за мяч, но мы уже наступали меньше, старались только не пустить сталинградцев к нашим воротам. А те атаковали бурно, настойчиво.

Одна десятая решила исход розыгрыша первенства. На одну десятую оказалось у нас лучше соотношение забитых и пропущенных мячей, чем у наших соперников – динамовцев Москвы!

Зная чемпиона СССР по футболу осталось у нас. Нам, армейцам, были также вручены золотые медали, впервые тогда утвержденные как награда за победу во всесоюзном футбольном первенстве.

Люди все идут и идут к воротам стадиона. Вереницы машин на Ленинградском шоссе тянутся так далеко, насколько хватает глаз. До начала встречи еще много времени. Но народ спешит занять места на трибунах. Сегодня будет снова переполнен огромный стадион. Большой футбольный день сегодня на «Динамо»!

– Нет ли у вас лишнего билета? Я прилетел из Еревана!

– Нет, к сожалению. Я сам приехал из Иванова...

На далекой зимовке в Заполярье, где в этот день злится студеной ветер, налетая порывами с моря, гидрограф и радист настраивают приемник на московскую волну, говоря друг другу: «Тише, сейчас услышим позывные стадиона!»

В чувашском колхозе, в клубе, собиралось чуть ли не все население села. Оно бы и дома можно послушать, радио есть. Но на людях иное дело: вместе куда интереснее!

Осень 1951 года. Подошло к концу соревнование на «Кубок СССР» по футболу. Небывало широкое по своему размаху, оно началось давно, шло по всей стране, захватывая в свою орбиту новые и новые районы и области. Шестнадцать тысяч футбольных команд приняли на этот раз участие в розыгрыше почетного приза советского футбола. Шестнадцать тысяч! Это очень много. Это значит больше двухсот пятидесяти тысяч футболистов заводских, студенческих, армейских, колхозных физкультурных коллективов.

История мирового спорта не знает соревнований таких масштабов...

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

БЕРЕЖНЕЙ К ОРУЖИЮ СЛОВА

К материалам партийных съездов, издаваемых книгами с красными обложками и продававшихся во всех книжных магазинах, многие тогда относились с иронией — дескать, «взвейся да развейся». Но в статье «Оружием слова», о которой идет речь, нет бравурных фраз. Напротив, материал касается нескольких важнейших для искусства тем, от объективных законов развития до участия писателя в литературном процессе. Во-первых, в статье говорится о связи между искусством и порождающей его эпохой; во-вторых — о необходимом предпосылении таланта идеологии и актуальности; в-третьих — о проблеме национального в искусстве, или о том, что еще В.Г. Белинский называл «народностью». И, как это часто бывает при знакомстве с размышлениями из прошлого, сказанное вчера звучит набатом сегодня.

«Художественная литература в своем развитии запечатлевает наиболее яркие страницы в истории народа», — говорится в статье. Продолжая эту мысль, стоит отметить, что художественная литература, как и любое другое искусство, как и культура вообще, является зеркалом эпохи, в которую создается. В разные исторические периоды культура претерпевает изменения. Меняются способы мышления, эстетические ценности, способы художественного видения. Культура отображает так называемый дух времени, то есть ту часть духовной жизни, которая овладевает значительным числом людей и торжествует над ними. Более того, культура не просто отображает перемены, происходящие с человеком, но оказывает обратное влияние, выступая уже причиной изменения мировоззрения. В качестве примера можно вспомнить советскую рок-культуру, возникшую на волне протестных настроений и превратившуюся затем в силу, влияющую на умы.

В каждой культуре складывается своя система взглядов, своя система образов и смыслов, свой язык, понятный не только творцам, но и современной им аудитории. И художественное произведение внутри той или иной культуры определяется состоянием умов и нравов. Неспроста археология сознания пытается реконструировать мировоззрение древних по «материальным остаткам». В

произведении всегда находит отражение единство психологического, художественно-стилистического и социологического. Исследователь произведения способен выявить черты и своеобразие человеческого типа соответствующей эпохи. Поскольку образ типичного человека является наиболее заметным, он входит в культуру, становится предметом искусства и мысли. Даже не изображая его прямо, культура так или иначе постоянно обращается к нему.

Новый человеческий тип складывается в соответствии с новой системой взглядов, с новыми идеями и направлениями мысли. Но любое мировоззрение со временем исчерпывает себя. Не исчезая окончательно, оно переходит в пассивную фазу существования. Вместе с угасанием очередной системы ценностей и взглядов уходит на второй план и человеческий тип, сформированный ею, в то время как вперед выдвигается человек, подчиненный новым идеям. Так было с советской культурой и появлением новой, российской.

Современная культура говорит о новом человеке, о новых ценностях и взглядах. И общего с советской у этой культуры совсем немного. Можно утверждать, что ее основной чертой является подражательность, или имитация. Например, часть писателей стараются имитировать западные литературные образцы. При этом речь идет не просто о школе или заимствовании, но именно об имитации, когда либо достаточно поменяв имена героев произведения — Иванов на Джонов, чтобы произведение перестало восприниматься частью российской культуры, либо имитация столь явная, что автор даже не пытается ее скрыть. Как, например, в случае с книгой о девочке-волшебнице Тане Гроттер.

Часть писателей, уверяющих, что придерживаются «почвеннического» направления, имитирует прозу советских писателей-деревенщиков, которые были заметным явлением именно советской эпохи. Но нельзя бесконечно писать о том, что деревня пьет, дрова потрескивают, а блины духмяные. Во всяком случае, отечественную словесность имитация деревенской прозы ни в коей мере не

обогащает. Более того, любое яркое явление в искусстве, включая писателей-деревенщиков, интересно прежде всего личностью творца. Литература это не схема, она стихийна и во многом непосредственна, она создается в первую очередь на бессознательном уровне.

Если автор намеренно стремится к оригинальности или, наоборот, к традиционности, его произведение рискует стать надуманным и мертвым. Литература — это реализация интуиции, она интересна автором, а не стилем как таковым. Индивидуальность автора создает стиль, и содержание, и новизну, и оригинальность. И если бы разным, но сопоставимым по дарованию авторам из разных эпох предложили написать произведение на одну и ту же тему, то получились бы несколько совершенно непохожих, но талантливых, каждое по-своему, произведений. В каждом были бы и свой оригинальный стиль, и своя новизна по отношению к предшественникам.

Любая система взглядов порождается человеком и вбирает в себя психическое своеобразие человека конкретной исторической эпохи, одновременно оказывая влияние на современников. Такая взаимозависимость характерна для культуры вообще — в каждом своем творении человек запечатлевает себя, свое мировоззрение, свою систему ценностей, свои способы ориентации в мире — все то, что усвоено и вынесено им из повседневной жизни.

В повседневной жизни наша страна с некоторых пор превратилась в имитатора. Но имитация это не ученичество, когда перенимается действительно необходимое и недостающее. Сегодня Россия копирует то, что ей, казалось бы, совершенно не нужно: западную демократию, западное законодательство, западную экономическую модель, западную систему администрирования, Болонскую систему образования... Кто-то умудряется копировать образ жизни и образ мысли дореволюционной России. На первый взгляд это непонятно — нельзя же все на свете объяснять вмешательством Сороса. Но стоит помнить, что имитация — это признак неспособности к творчеству, это свидетельство деградации, это проявление состояния, когда человек или народ не уверен в себе и от-

вергает себя, пытаясь найти что-то настоящее на стороне. Как пишет С.Г. Кара-Мурза, «*имитации склоняются культуры, оказавшиеся неспособными ответить на вызов времени, и это служит признаком упадка и часто принимает карикатурные формы. Так, вожди гавайских племен при контактах с европейцами обзавелись швейными машинками, в которых видели символ могущества, — и эти машинки красовались перед входом в их шалаши, приходя в негодность после первого дождя.*»

Наше искусство, да и культура в целом, тоже основано на имитации. И в этом нет ничего удивительного. Нужно оговориться, что обобщения не строятся на стопроцентном подтверждении. Иногда в качестве аргумента приходится слышать: «А у меня хорошие друзья!» или «А моя бабушка так не думает!» Все это прекрасно, да и в самом деле: в любую эпоху возможны проявления разных взглядов и способов самовыражения. Но речь не идет о крайностях, важно увидеть именно срединное и общее. Любую эпоху отличает своя характерная черта или духовная сила, что действительно оказывает влияние на культуру. Такой силой для античного периода являлась вера в гармонию космоса и божественную предопределенность судьбы. Для эпохи Возрождения — вера в силу и красоту человека. Хотя наверняка и в те времена водились инакомыслящие друзья и бабушки. Для постсоветской России характерным и общим стали упадок и деградация, потеря веры в себя и как следствие — неспособность к самостоятельному творческому акту. Не станем останавливаться на причинах упадка, это относится к процессу, нас же интересует результат, сводимый к тому, что в силу ряда причин Россия пережила тяжелый и затяжной кризис, проявлением чего стали творческое бессилие и потеря *самостояния и самобытия.*

Конечно, любой кризис преодолим. И российский кризис рано или поздно должен закончиться. В этом случае изменится человек, а культура приобретет иные черты. Ведь любые произведения отображают понятные символы и стереотипы, реагируют на смену на-

строений в обществе. И никакие произведения не могут быть случайными при изучении исторической психологии, отображающейся разными своими сторонами как в шедеврах, так и в произведениях массовой культуры. О том же говорит и статья «Оружием слова», характеризующая советскую литературу как «летопись дел человека, рожденного Октябрем». Кстати, в статье приводится цитата из Отчетного доклада ЦК КПСС XXVI съезду: «Важно... добиваться того, чтобы актуальностью темы не прикрывались серые, убогие в художественном отношении вещи». Можно подумать, что Центральный Комитет обращался к постсоветской России: «серые, убогие в художественном отношении вещи» давно и уверенно составляют сердцевину отечественной словесности, оттеснив на обочину куда более яркие и талантливые произведения и прикрываясь как актуальностью, так и партийностью. Только под «партийностью» следует понимать, конечно, не принадлежность к КПСС.

Раскол литературы на «либеральную» и «почвенническую», или «патриотическую», привел к тому, что на серость и убожество никто не обращает внимания, главным стало деление писателей по принципу «свой-чужой». Причем деление это стремится к бесконечности, чем напоминает деление клетки. Ведь мало быть просто признанным либералом или патриотом. Важно еще оказаться в нужной и влиятельной группировке, важно выказать лояльность редактору, важно доказать свою готовность принять бремя славы, важно установить с нужными людьми хорошие отношения, важно *соответствовать*. О принципах соответствия либерала написано очень много. Взять хотя бы Л.Е. Улицкую, знаменитую, в частности, «Детским проектом Людмилы Улицкой «Другой. Другие. О других», где в доступной для детей форме рассказывается, что «*мужчина, которому женщина не досталась, берет в «жень» мальчика*». Не напиши Людмила Евгеньевна о мальчиках, берущих в жены мальчиков, и кто знает, как сложилась бы ее литературная карьера. Какой уж тут талант, какая там серость – не до жиру.

В противоположном лагере какой-то самоцелью стало «почвенничество». Талант тоже уходит на второй план. Главное – свой автор или нет, достаточно в его произведении «почвенничества» или не хватает. Ничем хорошим для литературы

это обернуться не может. Преобладание к прозе стать беллетризированной публицистикой убивают прозу. Что мы и видим: «почвенническая» проза – это главным образом очерки. Зачастую нет ни вымысла, ни сюжета, ни яркого художественного языка – одно сплошное «почвенничество». В книгах «о нашей жизни» находишь набор штампов о вымирающей деревне, о пьянстве, о драках, о батюшке, который был раньше десантником, о войнах Чеченских кампаний, о тюрьме и об армии, заодно немного о церквушках, березках и колосках. О нашей жизни или не о нашей, это не может быть мерилем качества литературы.

Патриотическая проза прямо-таки наводнена воспоминаниями о безмятежном деревенском детстве, о родственниках, разбросанных по просторам бывшего СССР, об обретении веры, о том, как герой был неверующим, а потом стал верующим. И т.д. и т.п. Одни и те же образы, одни и те же сюжеты, даже порядок слов один и тот же... Как будто все написано под копирку или одним автором. Разница с либералами в том, что те оскверняют все, к чему прикасаются, а патриоты неумолчно оплакивают. То есть заданность существует и с той, и с другой стороны.

Чего же не хватает? Не хватает именно непосредственного, свободного и самобытного творчества. Знамя «почвенничества» – это в первую очередь Достоевский. Но разве Достоевский не выдумщик? Разве он занудно описывает одно и то же? Нет! Он выдумывает невозможные ситуации и невозможных героев, но превращает все в возможное. Он исследует психологию отдельно взятого человека и сталкивает разные психологические типы. Он мистик и фантазер, но главное, он абсолютно раскрепощен в своем зрелом творчестве.

Проблема современной русской литературы, в частности, в том, что она не обновляется. И сколько ни говори «новый реализм», во рту слаще не станет и ничего реально нового не появится. Если продолжать настаивать, что хорошая русская проза или поэзия – это непременно что-то плаксивое о нашей жизни, написанное каким-то неслыханным языком, если считать колоски в рассказах и стихах и таким образом измерять «почвенничество», литература и вовсе зачахнет. И на русской литературной почве не произрастет ничего нового, масштабного и интересного. Оговоримся: «свобода самовыражения» – это вовсе не патологические излишества и право

городить bestолково и неумело. Это когда пишут хорошо и по-разному, а не все на один манер. С точки зрения современного «почвенничества» «Пиковая дама», «Портрет», «Преступление и наказание» – неправильные произведения. Ни колосков, ни березок, одни бесполовые выдумки.

Возникновение и существование литературы связано с человеческим желанием найти подход к тому, что недоступно. Литература создает иную реальность. Восприятие и осмысление этой реальности преобразует культурный контекст. Происходит это в том случае, когда художник не просто списывает с действительности или подражает кому-то, но когда свободно и непосредственно творит, когда его фантазия проникает в глубины человеческого сознания и повседневно мира. Именно так воображаемое получает форму.

Какой же должна быть литература? Как разобратся: хорошее перед нами произведение или современное? Прежде всего, без художественного языка, без индивидуального почерка нет писателя и нет, соответственно, художественной литературы. И конечно, литература не может быть косноязычной. Но кроме владения языком, писатель должен уметь создавать живые миры. В живых мирах нет места шаблону или ходульности, зато все здесь происходит, подчиняясь внутренней логике. Все персонажи, как в жизни, имеют свое лицо, свой характер, свои достоинства и недостатки, разговаривают каждый по-своему. Художественная литература пользуется языком образов, пряча многое в детали, цвета, в символы. Все это нужно уметь прочитывать. И, конечно, произведение литературы – всегда что-то цельное, служащее общему замыслу. Это может быть самый крутой авангард или самая немислямая абстракция, но цельность – проявление способности видеть целое, а не куски и потому не связана со стилем. Нецельное повествование – признак плохой литературы, слабой одаренности автора, неумения подчинить своему замыслу повествование.

Литература относится к области изящных искусств. Литературу иначе мы называем изящной словесностью. В искусстве речь может идти о мастерстве, но не о профессионализме. Творец, вполне овладевший своим инструментарием, становится виртуозом. Виртуоз и профессионал – разные явления, как Моцарт и Сальери.

Один творит и делает это более или менее виртуозно. Другой «музыку разъял, как труп» и стал профессионалом. Только творцом от этого не стал. Например, очень много профессиональных, но не слишком талантливых стихов. А встречаются стихи талантливые, живые, но, однако, не отделанные, не виртуозные. Различать писателей можно по степени одаренности, что проявляется во вполне определенных, конкретных вещах, и по уровню мастерства, или виртуозности. Поздний Пушкин – виртуоз по отношению к самому себе раннему. Но и по ранним его творениям можно было сделать вывод об одаренности. То же и с Достоевским. Некоторые ранние его произведения не вполне хороши. Но талант в них, бесспорно, присутствует. А бывает, что произведение гладкое, отделанное, но совершенно мертвое.

Казалось бы, давать оценку издаваемым и широко популярным произведениям должен литературный критик. Но увы. Сегодня практически нет критиков, которые читали бы не своих приятелей, не тех, кто готов платить за рецензии, и не тех, кого «продвигают» по самым разнообразным, не связанным с литературой мотивам. Более того, критик, вынужденный зарабатывать своим ремеслом, хвалит, как правило, то, что нужно издателю. А ведь критик – это главный читатель, он должен уметь читать и объяснять научить этому других. Самое же смешное, когда критики, превозносящие посредственность и косноязычие, опрося тем самым читательский вкус, соловьями разливаются потом о «литературоцентричности» России и стекают о потере интереса к чтению. Смешнее только критики «почвенники», состоящие на учете в ПЕН-центре.

Недовольство современной отечественной литературой стало каким-то общим местом. Об этом говорят и пишут, но ничего не меняется. Издаются книги, раздаются премии, критики хвалят писателей, писатели – друг друга. Словом, жизнь идет своим чередом. Когда-то министр образования Е.В. Ткаченко заявил, что целью написания новых учебников было разрушение российского менталитета. Очевидно, и новая российская литература либерального толка служит тем же задачам, одновременно позволяя книгоиздателю зарабатывать на одурчаивании читателя.

Но и писатели-патриоты, перегнувшие палку с подсчетом

колосков, вызывают много нареканий. Их усилениями литературная традиция превращается для многих в жупел, потому что, заслушав о традиционности, читатель тут же вспоминает бесконечную кадрили вокруг деревни. Между тем литературная традиция это только ориентир. На что ориентирована русская классическая литература? На возвышенную красоту, на справедливость. Всякая литература, как и любое другое искусство, есть плоть от плоти народа, ее породившего. Народа не в смысле простонародья, а в цивилизационном, ценностном смысле. Эта связь, если она есть, проявляется всегда в точном понимании и ощущении всего национального.

Примеры опять же в русской классической литературе. Иван Сергеевич Тургенев. Аристократ, западник, подолгу живавший за границей. Тем не менее – неподражаемое чувство языка, чувство родной природы, чувство национального характера и национальной истории. Чтобы быть хорошим писателем, не надо писать, «как Тургенев», надо обладать теми же качествами и писать о своем. Традицию нельзя обновить – она либо есть, либо ее нет. Традицию можно сохранить или от нее отказаться. В нашем случае это означает, что либо мы продолжаем ценить талант, врожденное чувство русского слова и виртуозное владение этим словом, продолжаем ценить возвышенную направленность литературы, либо мы от всего этого отказываемся и признаем, что Автор умер, а литература должна развлекать. Либо мы признаем значение Красоты в нашей литературе, либо сквернословим кто как умеет и смакуем физиологические отправления. Многие писатели сегодня напоминают попавших под дурное влияние подростков, которые вырвались из-под родительской опеки (традиции) и пустились во все тяжкие. Но чтобы кем-то стать, нужно прежде всего оставаться самим собой.

«Национальное искусство – в запахах родной земли, в родном языке, где слова имеют как бы двойной художественный смысл – и сегодняшний, и впитанный с детских лет. В тех словах, которые на вкус, на взгляд и на запах – родные. Они-то и рожают подлинное искусство», – читаем в статье «Оружием слова». Казалось бы, вполне естественно, что произведения, созданные на русском языке, адресованы прежде всего русскому читателю. Но в том-то и странность, что, написанные о Рос-

сии, такие произведения не имеют с ней ничего общего. Причина в том, что значительная часть современной литературы создается за пределами национальной эстетики, современный писатель, в отличие от Тургенева, не национален, он не обладает чувством языка, чувством родной природы, чувством национального характера и национальной истории. Такой автор ориентирован совсем на другую эстетику, он не любит и не знает то, о чем пишет. С другой стороны – «почвенники», с любовью к застывшим формам, с бесконечными перепевами одного и того же, с подражательством и эпигонством. Ну не надо понимать «почвенничество» буквально как описание почв. Любая хорошая литература на русском языке – это и есть почвенничество. Патриотизм писателя не заявления и не причитания, а бережное отношение к родному языку и «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам».

Талант подарит хорошую литературу, его отсутствие произведет суррогат. Нельзя отталкиваться от темы, заданность – это прекрасная основа для агитации, но не для искусства. Иначе получится, как у Булгакова в «Записках покойника», где герою предлагают «разраться революционным рассказом». Ничего хорошего из этого выйти не может. Например, с точки зрения патриотизма, педагогики и воспитания произведения о героях настоящего и прошлого, конечно, нужны. Но если это опять будет написано кое-как, если актуальность прикроет «серые и убогие в художественном отношении вещи», пострадает уже не только литература, но и патриотическое воспитание.

В литературе происходит обратный процесс: хороший, настоящий писатель не отталкивается от тем и коллизий, он творит непосредственно, пишет о том, что его задает и вдохновляет. И если его вдохновляют какие-то события, то и выйдет талантливое произведение, которое прежде всего не будет скучным и серым.

Но оторваться от своего времени у писателя все равно не получится, происходящее вокруг так или иначе войдет в его творчество. Вот уже после, исследуя совокупное творчество эпохи, можно будет судить о том, что волновало писателей, какие темы и коллизии их занимали и нашли свое отражение в их произведениях. А главное – что это были за люди и что за силы торжествовали над ними. ■

...ПОДВИГ ДО КОНЦА

(Продолжение. Начало на 6-й стр.)

IV блока и промплощадки; фиксировать на видео, фото- и киноплёнку всю хронику происходящего – как по развитию аварии, так и по ликвидации ее последствий...

Работа Н.Н. Кузнецова в июне 1986 года проводилась в течение 9 дней – с 20.06.1986 года по 28.06.1986 года (первая командировка). Работа в октябре 1986 года – в течение 13 дней – с 03.10.1986 года и по 16.10.1986 года (вторая командировка).

Из сохранившегося в архиве Н.Н. письма ИАЭ им. И.В. Курчатова в городскую клиническую больницу №6 в период направления его на обследование известно, что «Н.Н. Кузнецов выполнял задания, работая в полях излучения 10–10000 рентген/час и значительного загрязнения воздушной среды осколочной активностью до 10⁻¹² Ки/л».

30.06.1986-го начальник оперативного штаба Министерства среднего машиностроения А.К. Круглов подписал «справку» о получении Н.Н. Кузнецовым предельно допустимой дозы радиации при ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и в связи с этим запрещением ему дальнейшей работы в III, II и I зонах опасности.

В 1987 году Н.Н. Кузнецов был командирован на ЧАЭС и работал 7 дней – с 04.09.1987 года по 10.09.1987 года по теме Н-22-2123 в составе комплексной экспедиции ИАЭ им. И.В. Курчатова (НИОКЭ ИАЭ) по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС (ком. уд-е №3241). В 1990 году был командирован на ЧАЭС и работал 7 дней – с 13.06.1990 года по 20.06.1990 года, выполнял задания по плану-графику НИОКЭ ИАЭ им. И.В. Курчатова (ком. уд-е № 7097); В 1990 году был командирован также на 14 дней – со 02.09.1990 года по 15.09.1990 года, выполнял работы по указанию дирекции ИАЭ им. И.В. Курчатова (ком. уд-е № 0838). В 1991 году командирован на ЧАЭС на 10 дней – с 27.05.1991 года по 05.06.1991 года, для подготовки видеоматериалов НИОКЭ ИАЭ им. И.В. Курчатова.

Итого чернобыльская вахта Н.Н. Кузнецова в общей сложности составила 60 дней, из них в критический 1986 год – 22 дня и неспокойный период 1987 года – 7 дней. Все командировочные удостоверения сохранены в семейном архиве.

«В июне мы начали работу, – рассказывал Николай Николаевич, – первое впечатление от увиденного невольно заставляло вспомнить Апокалипсис Иоанна Богослова. Сначала Кабанов Володя, Костюков Михаил Сергеевич, Слава Смирнов, Костя Чечеров, Володя Шикалов, Валерий Ободзинский и я провели видеофотосъемки с вертолета, потом начали обследовать разрушенный энергоблок изнутри. Темень непроглядная, нависающие глыбы арматуры, радиация. Слава шел впереди с дозиметром, я – сзади с камерой. Прибор часто зашкаливало. Не был он рассчитан на такой уровень радиации. Мы обматывали датчик тонкими свинцовыми листами и по их толщине делали приблизительный расчет ее уровня...»

В июне 1986 года доступ ко многим помещениям АЭС был еще невозможен или сильно затруднен из-за разрушений и (или) высоких уровней радиации. Съемки были сопряжены с большим риском. Необходимость получить впечатляющий и информативный материал с одновременной радиационной разведкой заставляла Н.Н. Кузнецова (и тех, кто был с ним) переступать границы допустимого риска. Но весь путь по земле был пройден. Разрушения у IV блока и под землей у развалов взорвавшегося реактора, и над его разверзнутой бездной были сняты. Летали на вертолетах и снимали все возможное и невозможное. В результате серьезные проблемы со здоровьем настигли Николая Николаевича и работавших в связке с ним людей в последующие месяцы и годы.

Юрий Петрович Костенко, с которым Николай Николаевич меня познакомил вскоре после возвращения из Чернобыля, рассказывал, как после задания Маслюкова, направившего его к «Кузнецову из Курчатовского института, у которого уже имеется материал и который может помочь сделать сценарий и смонтировать фильм для Политбюро», он (Костенко) разыскал комнату Академии наук, где жили Кузнецов и Смирнов, посмотрел материал и, поняв его уникальность, сел с Николаем Николаевичем делать сценарий. Еще несколько раз они вместе облетали и снимали станцию, всю 30-километровую зону, дорогу, уходивших по ней. Позже Костенко в своей надписи в книге, подаренной нам, отождествил эвакуацию людей из Чернобыля с картиной ухода беженцев по дорогам Великой Отечественной войны. «В вертолете, – пишет Костенко, – Николай Николаевич снимал из открытой двери кабины.

Из нее, как через амбразуру, была выставлена (не орудие, не пулемет) видеокамера». Нет, не простая эта была работа. – Героическая это была работа. Отснятые кадры вошли в фильм, который делали уже в Москве. День и ночь 29 июня Николай Николаевич провел за монтажом фильма в аппаратной института. Уговорить его пообедать дома было невозможно.

Сначала фильм для Политбюро смонтировали на 2,5 часа. Сколько материала надо было выложить на 2,5? Н.И. Рыжков – тогдашний предсовмина, должен был приехать посмотреть результат. Не смог. Прислал заместителя. Тот посмотрел, сказал: «Много, сделайте на 1,5 часа». Сделали на 1,5 часа. Горбачев был в Болгарии, ждали его. Приехал другой представитель от Рыжкова, посмотрел, сказал: «...Много, сделайте на 45 мин». И так дошло до 12–15–17 минут!.. Вот эти минуты я видела..

Помню, когда Николай Николаевич вернулся из Чернобыля в первый раз, позвонил домой, сказал: «Скоро буду. Я уже в Москве. Сейчас в институте на 37-м объекте, где меня отмывают. Ставь самовар». Кажется, была суббота, часов 11, когда он позвонил в дверь. Открыв, я увидела Николая непохожего на себя: странный загар, черты лица обострились, усталые глаза смотрели тревожно и счастливо. Исхудавший, в незнакомой, не по его размеру одежде табачного цвета, он нежно и с любовью улыбался. «Здравствуй, любимая, это я. Вот я и дома. У меня все очень хорошо». Рассказывал скуп, боялся испугать. Спустила время от Славы я узнала некоторые подробности. «Мы шли буквально в темноте крошечной по страшным размерам IV блока. Я – впереди, держал малагабаритный фонарь и дозиметр. Николай Николаевич – за мной, с камерой на плече. Дозиметры обмотали свинцом. Радиоактивность в некоторых «точках», куда мы наступали, была разная по высоте: для ног, для тела, для головы. В одной точке было 200 рентген или 300, а стояло дозиметр повернуть в сторону на 5 см – там было 1000 рентген. Где пахло озоном – там 10 000 рентген. Ходили по счету и время в месте съёмки считали вслух до 60 секунд, дальше надо было убежать. «Раз, два...», – считает Николай Николаевич, – 60!» Я выскокиваю из поля. Когда Николай Николаевич снимает, считаю я: «Раз, два... 70!», а он не выходит. Кричу благим матом: «Выходи... мать твою!» Если бы не ругался, там бы и остался, как пожарные. Его надо было силой выдергивать... Закрываю глаза и вижу этот «рыжий» лес, и мне плохо», – вспоминал Слава.

А Николай с юмором рассказывал об испытаниях роботов: «Мы снимаем. Робот падает. Из-за угла выходит Адамов, поднимает, ставит на место и возвращается. А в той точке большая радиоактивность. Вот какие люди у нас... Съёмки саркофага тоже задача сложная. Снимали его изнутри. Работа была не из легких. Ну, представь: станция высотой 75 метров плюс труба столько же. Огромное сооружение! Руководил строительством саркофага заместитель министра среднего машиностроения Усанов Александр Николаевич, его уже нет в живых. Сделали строители свое дело как надо. Съёмки должны были помочь проектированию обеспечить надежность конструкции, помочь спрогнозировать «поведение» саркофага в будущем. В декабре саркофаг был готов».

Вот так Николай Николаевич добывал хронику и в июне, и в октябре 1986 года, когда строили объект «Укрытие». Снимал, не раз летя над разрушенным IV блоком АЭС в вертолете на высоте порядка двухсот метров, где радиоактивность в момент полета не мерили. Снимал, ползая и ступая по катакомбам в крошечной тьме. А ведь он был человеком двухметрового роста, и не просто ползать такому человеку с полуторпудовой камерой, при этом еще и приглядываясь через объектив, выбирая лучшее положение для съёмки, находя нужные точки, а не просто бездумно нажимать на кнопку камеры. А это удлиняло время пребывания в опасности. К.П. Чечеров, называвший себя «шерпом» при Кузнецове, стоя позади него в 1,5–2 метра и держа у его груди защитную кляшкку, когда он снимал, оторопел, увидев, как «из рукавов Николая Николаевича, когда он переносил камеру с одного плеча на другое, выливались потоки воды. Зачерпнуть ее там было негде». Так реагировал организм Николая Николаевича на чудовищную перегрузку. И только богатырское здоровье, которым он был наделен родителем, убергло его тогда от самого страшного.

Совмещение видеосъемки, проведенных Н.Н. Кузнецовым с полученными им и другими результатами радиационно-технической разведки, позволили воочию видеть последствия катастрофы.

О том, как работал Николай Николаевич, вспоминают очевидцы, они же его коллеги – ликвидаторы Чернобыльской катастрофы. Руководитель штаба Оперативной группы ликвидаторов-курчатовцев, сменивший В.А. Легасова, Н.Е. Кухаркин: «В отличие от Фукусимы, в Чернобыле в первые дни начались разведывательные полеты вертолетов над разрушенным блоком. Без этого труд-

но было оценить ситуацию и состояние блока. При этом сразу же начались профессиональные фото- и киносъемки с вертолета. Так уж случилось, что эти задачи были поручены Николаю Николаевичу Кузнецову. Это было естественно, потому что лучшего специалиста трудно было найти – слав умения разбираться в технике и умения кинематографиста и фотографа позволил получить и изучить уникальные кадры и наметить меры ликвидации последствий». Сейчас трудно представить себе чувства и мысли Николая Николаевича, входящего на борт вертолета, но думаю, что, хотя и были волнение и чувства тревоги от незнания истинной обстановки, но, уже встав, чуть пригнувшись, в открытых дверях вертолета и включив камеру, он думал только о том, как лучше донести увиденное им до тех, кто ждет от него информации на земле...

Полученные кадры, подробно изученные проектантами, конструкторами и учеными, позволили не только наметить действия по стабилизации протекающих процессов, но и спланировать работу по ликвидации последствий аварии и оценить возможность сооружения над разрушенным блоком «Укрытия», препятствующего дальнейшему распространению активности. Роль Николая Николаевича Кузнецова в наборе исходной информации и формировании предложений по дальнейшим действиям неоспорима.

Эта работа не была разовой. Умение и качественные действия Николая Николаевича привели к тому, что Курчатовский институт, а по существу, возглавляемое им подразделение, стали ответственными за постоянное информационное обеспечение сооружения «Укрытия». Надо отдать должное всем его сотрудникам, поработавшим в Чернобыле. Они честно выполнили поставленные задачи, сопровождая сооружение «Укрытия» от начала до конца.

Был трагический эпизод. 3 октября 1986 года летевищий над площадкой АЭС вертолет зацепил винтом за трос крана, упал и разбился. К счастью, на нем не было курчатовцев. Полеты были приостановлены на несколько дней, но затем снова возобновились. И наши ребята не дрогнув продолжали честно трудиться, не проявляя испуга или замешательства. В этом тоже немалая заслуга Николая Николаевича, ведь он воспитал свой коллектив не приказами, а прежде всего личным примером.

Вертолетная эпопея не единственная заслуга Николая Николаевича в Чернобыле. Он постоянно шел туда, где было тяжело, непонятно, но интересно. Он был репортером в лучшем смысле этого слова, потому что понимал, что не только первым увидит и узнает, но и принесет точную информацию, ускорит принятие решений и посодействует тому, чтобы они были правильными. Он был одним из первопроходцев, подавая пример деловитости, спокойствия, четкости действий, и мы, его товарищи по работе, очень благодарны ему. Он не сталкер, он человек долга, стремящийся внести свой вклад в общее дело. Как он работал и что было сделано им, без преувеличения можно назвать подвигом. А его самого – героем».

В октябре 1986 года Н.Н. Кузнецов провел серию видеосъемок сооружения объекта «Укрытие», возводимого над IV энергоблоком ЧАЭС, изнутри. И тогда же – съёмки самого саркофага, с целью прогнозирования его поведения в будущем.

Доктор ф.м.н. Р.М. Полевой описал участие Н.Н. Кузнецова в проведении опасной операции по разработке методики, позволяющей снять топографию радиоактивных загрязнений на крыше IV машинного зала ЧАЭС с минимально возможным облучением участников работ, в которой Н.Н. фиксировал эксперимент видеокамерой непосредственно в опасной зоне: «Суть эксперимента заключалась в следующем: два человека с дозиметром и блоком перемещались бегом по крыше маиззала, останавливаясь в точках, отстоящих друг от друга на несколько метров. В каждой точке дозиметрист отмечал значение мощности дозы гамма-излучения, а сопровождающий его записывал. Третий человек – участник операции – все это дистанционно снимал на видео. **Этим третьим был Николай Николаевич Кузнецов.** Затем точки остановки, зафиксированные на видео, и записи, сделанные сопровождающим дозиметристом, наносились уже вне зоны облучения на план криши, что и позволило судить о картине загрязнения и планировать последующие способы дезактивации. Такая организация измерений позволяла до минимума сократить время пребывания людей (а следовательно и полученную ими дозу) в зоне высокой радиации. Полученные ими сведения радиационной разведки были использованы для сохранения здоровья людей, непосредственно занятых дезактивацией».

Н.Е. Кухаркин и Р.М. Полевой свидетельствуют также о том, как Н.Н. участвовал в разработке и обеспечении мероприятий по увеличению мобильности в деятельности по ликвидации аварии внутри чернобыльской зоны:

«В Чернобыле Николай Николаевич Кузнецов, – вспоминают они, – проявил себя не только как оператор телесъемок, но и как энергичный, деятельный и умелый организатор. При большом развороте работ по сооружению саркофага стало тяжело с транспортом. Трудно было добираться до разрушенного блока реактора в нужное время. Курчатовская команда жаждала деятельности. Получив, или инициативно найдя себе конкретные задачи на блоке, многие стремились туда и днем и ночью. Коля нашел выход. К этому моменту в зоне скопилось большое количество брошенных различными организациями автомобилей, частично вышедших из строя и, естественно, грязных (радиоактивных). Николай Николаевич взвалил на себя обязанности «начальника транспортного цеха». Сколотив команду умельцев, он в короткие сроки отремонтировал несколько легковых автомашин и договорился об их заправке бензином. Фактически каждая группа наших исследователей была обеспечена «личным» транспортом. **Надо понимать, что это не только его добрая воля и желание помочь, это технический и инженерный профессионализм и русская смекалка – черта, присущая Николаю Николаевичу Кузнецову.** Вскоре на дорогах Зоны появились автомобили с большими цифрами на обоих бортах, в том числе несколько автомашин, приписанных к экспедиции ИАЭ. **Такая постановка дела резко увеличила мобильность рабочих групп и отдельных руководителей внутри зоны без привлечения новых «чистых» автомобильных ресурсов и профессиональных водителей».**

Заменивший выведенного из радиоактивности Славу Смирнова Костя Чечеров пишет, что Н.Н. Кузнецов участвовал также в работах по определению наличия и распределения топливных масс и остатков материалов активной зоны в помещениях разрушенного IV блока, включая центральный зал, шахту реактора, подреакторные помещения (бассейн, барбатер и др.). Чечеров, много раз пересматривавший чернобыльские видеопленки Николая Николаевича из архива его студии, уже после 2005 года, когда Кузнецова не стало, и делая из них записи для себя, вспоминает об этом в публикациях о своей работе на IV блоке ЧАЭС. Николай Николаевич не только снимал, но и вынужден был наступать на них. В семью передана кем-то сделанная фотография Кузнецова, почти на коленях снимающего объект, так называемую слоновью ногу – место запершейся реакторной лавы.

Об организации и постановке эксперимента под названием «проведение бурного потока» написали ученые института Ю.В. Сивинцев и В.А. Пчелин. Эксперимент заключался в определении степени загрязнения окружающей среды в районе ЧАЭС – радиационной обстановки, распределении выпавшей активности, проникновения в почву, растения и пр. Н.Н. Кузнецову было поручено доставить в рефрижераторе из Чернобыля в Курчатовский институт двухметровый пласт настила шириной около 60 см, снятого в различных погодных условиях (до и после дождя), – с листьями и травой, мхом, сгнившими сучками. И он доставил его...

Из собранных мною источников и свидетелей выяснилось лишь только часть из всей огромной и опасной работы, которую провели лично Н.Н. Кузнецов и работавшие с ним.

Что же дала научно-техническая и радиационная видеоразведка и хроника, запечатленная Н.Н. Кузнецовым и его командой, в ходе проведенных видеосъемок? Безусловно, добытые видеоматериалы позволили членам правительственной комиссии лучше ознакомиться с ситуацией и оценивать положение; аргументированнее решать вопросы – как поступать с остатками IV блока; вырабатывать и давать предложения по технике, способной дезактивировать территорию и подготовить площадку для строительства саркофага; принять окончательное решение о захоронении разрушенного блока, для чего построить саркофаг. И сохранять здоровье и жизнь людей.

Когда В.А. Легасова пригласили на сессию Международного агентства по атомной энергетике (МАГАТЭ) выступить с докладом, Николай Николаевич из записанной видеохроники смонтировал специальный фильм, в котором было показано многое об аварии на ЧАЭС и озвучил его. Смотрю и слышу голос мужа за кадром. Этот известный теперь в мире фильм оказался выдающимся видеодокументальным свидетельством об аварии в Чернобыле, ее последствиях и работах по их преодолению. Академик пять часов докладывал. Встречали его осторожно, провожали аплодисментами.

Вот как об этом рассказывают ученые Курчатовского института. Из воспоминаний В.Ф. Демина, присутствовавшего на сессии:

«Предвидя нарастание политических и других трений с рядом европейских государств, пострадавших в той или иной степени от чернобыльских радиоактивных выпадений, по инициативе руководства Курчатовского института руководителями страны бы-

ло принято решение о предоставлении максимально возможной полной и правдивой информации об аварии на предстоящем международном совещании в МАГАТЭ, Вена (август 1986 года). В работе по подготовке этой информации участвовали несколько научных институтов СССР, группа сотрудников Курчатовского института, представители ведомств страны. Эта работа была усложнена ограниченными сроками, неполнотой или противоречивостью информации, поступающей из разных организаций. /.../ Показанный советской делегацией на 1-м международном совещании по чернобыльской аварии в августе 1986 года в МАГАТЭ (Вена) фильм произвел ошеломительное впечатление на специалистов и представителей средств массовой информации разных стран. Для тех, кто понимает, что такое тяжелая ядерная авария и ее последствия, было серьезным эмоциональным испытанием увидеть наяву огромные разрушения, глубокий провал на месте ядерного реактора, дымящиеся, местами раскаленные завалы и др. Да и наши специалисты могли его спокойно смотреть только после нескольких просмотров. После первой демонстрации фильма в зале, заполненном в основном специалистами-ядерщиками из разных стран и международных организаций, на несколько минут наступило зловещее молчание. Эту затянувшуюся паузу, вызвавшую беспокойство председателя совещания, прервал представитель канадской делегации. Он заявил, что присутствующим в зале нужно время, чтобы до конца осознать то, что они увидели на экране.

Журналистов не пустили в зал на первый показ фильма. После настойчивых обращений журналистов и их руководства для них отдельно был организован показ фильма. После этого показа представитель одной из американских телекомпаний от имени своего руководства обратился к В.А. Легасову с просьбой дать возможность показать этот фильм по их каналу...

В конце совещания в процессе своего заключительного выступления по поручению руководства страны В.А. Легасов вручил копию фильма генеральному директору МАГАТЭ Х. Бликсу. Это было совершенно неожиданно для Ханса Бликса. Он не скрывал своей радости. Передавая фильм, В.А. Легасов сказал: «Этот фильм не может быть оценен в рублях, долларах или фунтах стерлингов. Его цена измеряется высокими дозами (многими бэрами), которые получили его создатели во время своей работы на аварийном блоке и площадке Чернобыльской АЭС».

На долю Н.Н. Кузнецова и его сотрудников помимо упомянутой выше работы по подготовке видеофильма и других материалов, выпала часть работы и по подготовке изобразительного ряда для доклада советской делегации. Еще до чернобыльской аварии Н.Н. Кузнецов «добыл» два первых профессиональных новейших японских настольных компьютера, прообразованных будущих массовых ПК. Он использовал их для подготовки важной части изобразительного ряда доклада. В то время в МАГАТЭ подобных компьютеров не было. По специальной спецификации, полученной от Н.Н. Кузнецова, МАГАТЭ их закупила в Японии непосредственно для планируемого совещания. Визуальное представление материалов доклада во время совещания осуществлялось одновременно на трех экранах, что было бы необычно даже для настоящего времени. Сценарий такого представления с разбивкой информации разного характера по этим экранам и по времени представления разрабатывался, проверялся и совершенствовался в специальном порядке в отделе Н.Н. Кузнецова. Наряду с техническим видеофильмом этот изобразительный ряд во время представления советского доклада академиком В.А. Легасовым и другими членами советской делегации, также произвел большое впечатление на участников совещания как своим содержанием, так и способом показа.

В целом представление советского доклада на международном совещании в МАГАТЭ и затем в течение следующей недели подготовка международного доклада от имени МАГАТЭ было очень успешным. Это вернуло взаимодействие международных и национальных организаций с организациями СССР, а затем и России по проблемам преодоления последствий Чернобыльской аварии и дальнейшего развития ядерной энергетики в конструктивное русло. Значительный вклад в этот успех внес Н.Н. Кузнецов вместе со своими сотрудниками. За свой самоотверженный труд в сложный период преодоления последствий чернобыльской аварии он, несомненно, заслужил самую высокую государственную награду. Жаль, что решение по этому поводу не было принято...»

Ценой своей жизни, жизни и благополучия своих семей и близких заплатили наши мужья за свой труд, не получивший адекватной оценки в родном Отечестве. А ведь наши мужья, прошедшие Чернобыль, и есть его настоящие герои!

После чернобыльской эпопеи Николай Николаевич проводил съемки в составе Государственного центрального спасательного

отряда (нынешнего МЧС) по ликвидации чрезвычайных ситуаций для выработки мер по предотвращению катастроф, обеспечению промышленной безопасности, подчас в условиях чрезвычайных ситуаций. Вместе с С.К. Шойгу, в то время руководителем отряда и его командой, выезжал в Республику Тува, в Уфу, в район Тюмени. Ряд созданных фильмов он передал в МЧС. Может быть, там вспомнят Николая Николаевича Кузнецова – одного из первых видеоператоров Центроспасотряда.

«Ваш муж – вылитый отец», – говорили мне моряки-ветераны, знавшие и того, и другого. В самом деле, отец во всем и всегда служил сыну примером. Николай также обладал высокими личными качествами – мужеством, смелостью, храбростью, был абсолютно порядочным человеком. Честь, верность, любовь, мужество, доброта составляли основу его характера. Помочь ближнему было законом для него. Если в семье случалась беда – первым бросался на помощь. Как ни высоко будет сказано, Курчатовский институт он считал своей семьей, страну – своей Родиной. Просто он был такой человек, каким должен быть настоящий Человек!

В начале 90-х годов, в эпоху перемен Николая Николаевича начали одолевать болезни. В 95-м он получил 3-ю, а в 98-м – 2-ю группу инвалидности. Пенсию получал приличную, мог позволить себе купить все необходимые лекарства. Но в 1997 году органы социальной защиты почему-то в 5 раз ее уменьшили. Справедливого решения в этом вопросе он так и не добился. Дома накопилось два тома переписки, названных мужем «бред совбеса!» В них свидетельства большого неуважения и презрения к людям, пожертвовавшим собой ради спасения жизни на земле. Помню, Николай Николаевич после заявления высокопоставленной чиновницы на очередном судебном заседании: «Ты мне никогда не докажешь, что ты был в Чернобыле!» – плюнул и это «поле боя» покинул. Иначе как кощунством подобное заявление не назовешь. Сие есть яркий показатель нравственного чернобыля в людях. Но Николай Николаевич до конца жил честно, шел своим путем и, несмотря ни на что радовался жизни. Не унывал, улыбался и продолжал свое дело в любимой видеостудии, где допоздна в аппаратной горел огонек, и где он увлеченно снимал, записывал интервью, создавал фильмы, выступая одновременно и как оператор, и сценарист, и режиссер, и звукорежиссер, и музыкальный редактор. Здесь родились сотни его авторских видеофильмов.

На службе Николай Николаевич отличался невероятной работоспособностью и твердостью характера. Требовательный к себе и к другим, сам обязательный, дисциплинированный во всем, он прививал эти качества подчиненным, поэтому, может быть, казался строгим. Но то была добрая строгость, обусловленная высокой личной ответственностью за конечный результат. Бывало, мог и вспылить. Но зла не держал. В общении оставался доверчивым, шедрым, добрым, веселым, простым. Но не простаком! Панибратства (как и лести) не терпел. Ценил в людях и сам сохранял при всех обстоятельствах чувство собственного достоинства и самоуважения. Кажется, неплохо понимал людей. Но был доверчив. Сожалел, когда ошибался, обманывался. А такое бывало. Считал, что счастье человека не в материальном богатстве, а в любви, не брать, а отдавать. На трудности, которых хватало, болезни не жаловался, старался не унывать и не терять бодрости духа и присутствия юмора.

В его умных серых глазах поселилась грусть после того, как в середине 1990-х годов его детище – видеостудию переместили в малоприспособленное здание. Сотрудники в поисках зарплат уходили. Не избегал он и предательства тех, для кого не жалел себя, знаний, умений и сил. Остался один уже далеко не здоровым человеком и когда сам нуждался в поддержке. Восстановить студию в прежнем виде оказалось не под силу. Но будучи великим оптимистом, он и один последние 15 лет продолжал трудиться на пользу родного ему института даже дома. В эти нелегкие для него времена ни одна знаменательная или памятная даты, в т.ч. и чернобыльские, не обходились без его помощи и участия.

Николай Николаевич имел государственные награды, страсти к которым не испытывал, хотя и был доволен, – орден Мужества и орден Дружбы народов, медали. Был удостоен Золотой медали Международной академии наук экологии и безопасности им. академика В.А. Легасова, Золотой медали «Чернобыльская звезда» (посмертно) и др., награжден благодарностями и почетными грамотами, дипломами правительства Союза ССР, в т.ч. председателя правительственной комиссии по ликвидации аварии на ЧАЭС 1986 года Б.Е. Щербинь; многими ведомственными медалями, знаками.

Он трижды лауреат премии имени Курчатова (1982, 1988, 2003), лауреат премии Международной академии наук экологии и безопасности (МАНЭБ) имени академика В.А. Легасова (1997), лауреат Международной премии «Чернобыльская звезда» в области литературы и искусства, посмертно (2009), лауреат I премии международных кинофестивалей славянских фильмов «Золотой Ви-

тязь» за операторскую работу в фильмах режиссера В. Бутурлина «Не все умрем, но все изменимся» и «Ядерное танго». А фильм «Предупреждение» Л.Н. Николаева, посвященный событиям на ЧАЭС 1986 года с операторскими видеосъемками Н.Н. Кузнецова, был удостоен множества международных дипломов, показан в 95 странах мира и особо отмечен на фестивале «Сай-Тек» в Бристоле. Н.Н. Кузнецов является одним из основателей и участником творческой группы кинетического искусства «Движение», возникшей в СССР в конце 1950-х – начале 1960-х годов, что отмечено во Французской энциклопедии искусств.

Н.Н. Кузнецов активно участвовал в общественной жизни Курчатовского института. Избирался членом парткома и бюро парткома ИАЭ, возглавлял и работал в комиссиях партийного комитета в 1976–1981 годы.

К его отличиям постоянного ударника и победителя соцсоревнования надо добавить, что он был мастер спорта по парусному спорту, виндсерфингу и плаванию.

Николай Николаевич от природы был богатырем: двухметрового роста. Первоклассный яхтсмен, ходил под парусами на яхтах разных классов, участвовал в соревнованиях, первым осваивал виндсерфинг, сам делал гоночные доски, шил паруса. Любили мы отдыхать на море, на озерах. Везде он ходил под парусом. В Крыму вставал на доску и ветер уносил парус чуть ли не к турецкому берегу. Ожидая, волнуясь и переживая на Тарханкутском мысу, глазами ловила парус где-то у самого горизонта. Однажды далеко в море у него сломался гик и он часа два вплавь волок и доску, и мачту из морской пучины. Я не находила себе места, чувствуя, что что-то случилось, а мама его Вера Николаевна, поборница строгих семейных правил (она с 1974 г., после смерти мужа, всегда с нами отдыхала), вслух выговаривала: «Ну куда же он уплыл, почему его так долго нет, нам пора обедать!» А мне не до обеда! Мне страшно, я ищу едва видимый далеко-далеко, почти у горизонта, то взлетающий, то пропадающий в волнах его одинокий парус. А Николай Николаевич, вырвавшись из нашего женского плена, конечно, чувствовал полную свободу в том морском простом. И вот он возвращается, напевая: «Лошадь, трубку и жену – не отдам никому!» Я вижу перед собой сильного и счастливого человека. И верю, что он все может, что он будет всегда! И радость переполняет мое сердце. Меня он научил плавать в Гурзуфе в наш медовый месяц, летать за катером на водных лыжах по Строгинской пойме и по Московскому морю, водить автомобиль. Я ничего не боялась рядом с ним. Старалась ему помогать. «Жизнь за тебя отдаю», – говорил он мне. Я не сомневалась.

И вдруг катастрофа... Первым ушел Слава. В его медицинском заключении написано – 50 рентген. Потом ушел Николай Николаевич... Так, 20 июня 1986 года вышел он на страшную дорогу своей гибели: 21, 22, 23, 24, 25, 26 июня – и днем, и ночью снимал: и станцию, и рыжий лес, и всю 30 км прилегающую зону, и дорогу с уходящим из города населением, и тот крошечный ад внутри развалин IV блока ЧАЭС (а м.б. 27 апреля, когда начал проводить съемки в 6-й больнице?). У дозиметра шкалы не хватало мерить поля радиоактивности, в которых Николай Николаевич работал. Когда у Славы Смирнова доктор спросил: «Почему у вас такая маленькая доза зафиксирована? Должна быть другая! У вас даже формула крови совсем другая!» Слава ему проговорился, дескать, «мы повывбрасывали свои дозиметры после первых же съемок, потому что они показывали такое (!), что если бы мы их предьявили, нас в тот же день убрали бы со станции. А мы должны были довести свое дело до конца. Как же мы могли не закончить?!»

Никогда не думала, что доведется когда-нибудь, открыв дверь родного дома, ощутить звенящую пустоту обрушившейся на тебя тишины, ясно увидеть, что тебе ничего не нужно, потому что ушло главное из твоей жизни. А главное это был он – твой любимый, светлейший и добрейшей души большой и сильный человек, с умным, горячим сердцем, сделавший из меня человека и, который любил меня больше жизни. И он ушел...

Он был настоящий, никогда не фальшивил. Умен, добр, бескорыстен, честен. Уважал людей. Умел дружить. Был достойным сыном своего великого отца, которого он бесконечно уважал и горячо любил. Никогда не пользовался ни его славой, ни именем, ни помощью. Когда отца не стало и пришло время, взял на свое попечение маму, заботился о ней до конца ее жизни, отдавал ей последние свои силы, несмотря на свое нездоровье, утешал ее душевные боли. Был любящим и нежным супругом. Помогал мне и радовался моим успехам.

У нашего семейного очага собирались многие – и стар, и млад. С ним, человеком образованным, эрудированным, жизнерадостным и остроумным, любящим пошутить и повеселиться, общаться бы-

Оставшиеся жители покинутой белорусской деревни Тулговичи, расположенной в 30-километровой запретной зоне вокруг Чернобыльской АЭС, отмечают православный праздник Благовещение Богородицы 7 апреля 2006 года. До аварии в деревне проживало около 2000 человек, а сейчас осталось всего восемь.

ло приятно и интересно. Он владел английским и немецким языками, любил читать технические книги, журналы и художественную литературу. Очень любил цирк. Постоянно слушали музыку в концертных залах. Закончив в юные годы Музыкальное училище имени Гнесиных, он играл на фортепиано, гитаре, аккордеоне. Любил разную хорошую музыку: и классическую, и джазовую, и популярную. Собрал фонотеку нравившихся ему произведений.

От умного и доброго общения с Николаем Николаевичем на душе всегда оставались теплота и легкость. Быть с ним обожали дети: племянники и двоюродные внуки и внучки, дети друзей, соседей. Особенно в деревне. Он и сам оставался взрослым ребенком. Любя и доверяя им, обучал их премудростям жизни и созиданию. С благородным и талантливым дядей Колей, дедушкой Колей, Кокко-Колей, который раньше всех вставал и у которого для них всегда находились время, интересные дела и занятия, они научились колоть дрова, обустроить печь, складывать кострище, разводить огонь, наладить коптильню, топить печь, ставить самовар, собирать снасти, удить и коптить рыбу, варить уху, строгать и пилить, забивать гвозди, мастерить, косить траву и сажать деревья. Изучали устройство автомобиля и всякой техники: компьютера, видеокамеры и фотоаппарата и работали на ней. Он учил их осваивать виндсерфинг. Учил вязать морские узлы, собирать парусную яхту и катамаран и управлять ими. Всем этим он сам владел безукоризненно. Снарядив их, вместе отправлялись в плавание по озерам или морю. Дети считали его своим не старшим дядей, а другом. Родители спали до полудня, а они творили с Колей. «Не сосед и не дядя Коля, а первый в моей жизни друг», пишет вчерашний мальчик, которому он дал свою любовь, и который теперь уже закончил дипломатическую академию.

Его душа была наполнена светом, а сердце – энергией любви. Вечерами он не уставал всматриваться в темный бархат опрокинутой над морем чаши ночного неба, расцвеченного миллионами звезд над полюбившейся Оленевкой у мыса Тарханкут и рассказывать о них. Он радовался и двойной радуге в грибной дождь, раскинувшей коромысла над рекой Торопой, озерами Сельцы и Коростино, что в Тверской губернии, снимая ее, переливающуюся разноцветием, на видео или фотокамеру. Здесь в глухомани, в при-

купленном старом деревенском доме провел он последние десять летних отпусков. И каждый раз, возвращаясь в Москву, целый год хранил в памяти ощущение напоенного ароматами скошенной травы летнего ветерка, шелест падающих листьев, курлыкание журавлей, скучал по деревне, мечтая вновь отправиться в эти благословенные края – туда, где им овладевало чувство безграничной свободы...

После катастрофы в Чернобыле он прожил еще девятнадцать очень трудных, но, несмотря на невзгоды, счастливых лет. «Если бы мы пораньше встретились, мы бы подольше побыли...» – прощептал он мне в последние свои часы пребывания на земле. Это случилось 6 августа 2005 года, на 39-м году нашей семейной жизни.

Некоторое время спустя тверской писатель В.Я. Кириллов, в летние времена забредавший в наше деревенское имение, посвятил Николаю Николаевичу и прислал мне вот какие стихи:

Мы уходим...

(Памяти Николая Кузнецова)

Все плотнее кольцо окруженья,
Много наших уж пало в бою.
Ты пошли им, Господь, всепрощенье –
Они честь сохранили свою.

Будет грустная музыка литься,
Будут речи и слезы друзей.
Наши ангелы, белые птицы,
Вознесутся над ширью полей.

Вдовий крик, как струна, оборвется
И утонет в зыбучей тиши.
Ночью месяц в речушке ухнет
На помин нашей русской души.

Николаи, Сережи, Володи...
В предназначенный каждому час.
Мы уходим, уходим, уходим,
Помолитесь, родные, за нас.